А.А. Хисамутдинов
A.A. Khisamutdinov

Русский Хакодате:
Заметки из путевого дневника

Russian Hakodate:
Notes from a travel diary

А.А. Хисамутдинов

Русский Хакодате: Заметки из путевого дневника

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2017

УДК 929
ББК 63.3 (5)
Х51

В обложке использованы изображения Хакодате, Православного храма и фортаГорёкаку, взятые из открытого доступа.

Хисамутдинов А.А.
Х51 **Русский Хакодате: Заметки из путевого дневника. = Russian Hakodate: Notes from a travel diary.** Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 80 с., ил. Режим доступа: https://evols.library.manoa.hawaii.edu/

В основу работы положены путевые дневники автора, составленные в Хакодате во время годичной стажировки по гранту Японского фонда, с использованием фактов из архивов и библиотек России, США и других стран. Книга рассказывает о русской общине в Хакодате, тесной связи этого города с Владивостоком, о достопримечательностях, связанных с Россией. В работе представлен и путеводитель по русскому кладбищу в Хакодате.

Книга предназначена для историков и специалистов в области российско-японских отношений, краеведов, а также для широкого круга читателей.

УДК 929
ББК 63.3 (5)

© Хисамутдинов А.А., 2017
© Издательство Дальневосточного университета, 2017
© Дизайн обложки и техническое оформление,
Сазонова О.С., 2017

A.A. Khisamutdinov

Russian Hakodate: Notes from a travel diary

Vladivostok
Far Eastern State University Press
2017

Оглавление

От автора.....11
Знакомство с Хакодате.....17
Небольшая экскурсия по достопримечательностям Хакодате.....27
Возвращение в Хакодате. История города.....39
Японские прихожане православного храма.....47
У них не было обратного билета… 55
Последний причал в Хакодате.....61
Беседа с плитами русской памяти.....67
Библиография.....78

Khisamutdinov A.A.

Russian Hakodate: Notes from a travel diary.

The publication is based on travel diaries which the author kept in Hakodate during a one-year grant from the Japan Foundation. It also contains facts from the archives and libraries of Russia, Japan and other countries. The book tells about the Russian community in Hakodate, close relations of this city with Vladivostok, and other things connected with Russia. The reader will be interested in the guide to the Russian cemetery in Hakodate. This can be considered a guide to the Russian presence in Northern Japan. The notes can help Russian tourists who decide to visit Japan.

От автора

От автора

Адам Лаксман

Когда я объехал всю Японию несколько раз, то пришёл к заключению, что Хакодате[1] — самый русский город в Стране восходящего солнца. Между ним и Владивостоком много общего, недаром они города-побратимы. Хотя японский город гораздо старше Владивостока, их становление пришлось на одно и то же время. В Хакодате многое говорит о связи с Россией. Здесь издавна печатают путеводители на русском языке. Изображение православной церкви стало одним из символов туристических достопримечательностей. Здесь находится наибольшее число музейных экспозиций и памятников, связанных с русским присутствием, чем в других местах, а русский погост напоминает о тех соотечественниках, кто навсегда остался в этом городе.

«Русская» история Хакодате складывалась довольно непросто. Впервые человек из России — Адам Лаксман — пришёл в этот порт на о. Хоккайдо 215 лет назад. За это время русско-японские отношения видели многое: от явной враждебности со стороны японцев к русскому присутствию до дружеской помощи нашим морякам, попавшим в беду. Но даже длительное пребывание в тюремной клетке капитана В.М. Головнина нисколько не умалило его уважения к японскому народу. В его воспоминаниях не найти строк, в которых он обвиняет японцев, напротив, Василий Михайлович всячески старался понять их и оправдать их действия. Его сподвижник П.И. Рикорд надеялся, что наши страны «*с рассеянием закоренелых со стороны Японского государства предубеждений, начнут время от времени более сближаться и достигнут наконец той важной цели, в которой рука Божия направляет человеческий род: к дружеским связям, на взаимных пользах и выгодах утверждающимися*»[2].

Василий Головнин

Основу благосостояния Хакодате заложили русские деньги. Об этом часто писали первые русские жители города. Первое консульство И.А. Гошкевича, стоянка российских

1 Придерживаюсь написания «Хакодате», как рекомендуют основные справочники России. Иногда в публикациях в Японии и России встречается «Хакодатэ» (прим. автора).

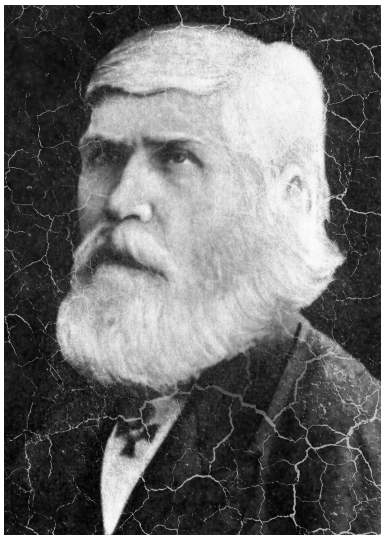
2 Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб. : Тип. Н. Греча, 1851. С. 96.

Василий Головнин

кораблей, первые русские наблюдения о жизни хакодатцев —всё это можно найти как в русских, так и в японских изданиях.

И сегодня между Владивостоком и Хакодате существуют тесные связи. В Хакодате деятельно работает Общество по изучению японо-российских отношений, которое издаёт превосходные сборники. Очередной сборник был посвящён десятилетию Общества[3], прошёл и симпозиум «Русские эмигранты в Хакодатэ в период Тайсё-Сёва». Один из членов Общества, редактор историко-издательского отдела муниципалитета Хакодате Симидзу Мэгами, опубликовала серию статей, посвящённых И.А. Гошкевичу, Консульству Дембри, русским достопримечательностям Хакодате, П.Н. Симаде и жизни некоторых русских эмигрантов в Хакодате. После безвременной кончины талантливого краеведа 15 октября 2004 г. в возрасте 45 лет друзья издали сборник её работ[4].

Если японский читатель уже знаком с жизнью первых русских в Хакодате, россиянам эта тема менее известна. Между тем, всякий, кто занимается историей российского Дальнего Востока, подтвердит, что, говоря о нашем регионе, невозможно обойтись без упоминаний о Стране восходящего солнца. Так уж было угодно госпоже Истории, что мы соседи, а «соседей и родственников не выбирают» (кстати, в Японии есть точно такая же поговорка). Увлёкшись краеведческими поисками во Владивостоке, мне также довелось часто встречать упоминание о Хакодате. На этом исследования не закончились, появились статьи о славной семье Дембри, имевшей тесные коммерческие связи с Японией[5]. Неоднократно упоминал о Хакодате известный путешественник В.К. Арсеньев[6]. Много рассказывала об этом городе



Иосиф Гошкевич

3 «Хакодатэ и Россия»: Исторические связи. Хакодате, 2004. 118 с.: ил.

4 Симидзу Мэгами. Хакодатэ: Русские страницы в истории японского города, 2005. 387 с.: ил.

5 Хисамутдинов А.А. Поиски следов Г.Ф. Денби и его детей // Краеведч. бюл. - Южно-Сахалинск, 1996. № 5. С. 71 – 80.

6 Хисамутдинов А.А. «Мне сопутствовала счастливая звезда…» Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872 – 1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005.

и профессор Гавайского университета Э.М. Люри-Визвелл, дочь рыбопромышленника, имевшего в Хакодате представительство своей фирмы.

Задолго до путешествия по Японии я ознакомился с работами Г.А. Ленсена, который первым написал о русских на Хоккайдо.

В 1953–1954 гг. стипендия Фулбрайта позволила Г.А. Ленсену поработать в Хоккайдском университете, и он много времени провёл в Хакодате. Результатом этой насыщенной поездки стала знаменитая монография, иллюстрирующая начало жизненного интереса Ленсена[7].

Георгий (Джордж) Ленсен

Современный исследователь во многой степени зависит от грантов на проведение научных работ. Г.А. Ленсену помог американский фонд Фулбрайта. В 2006 г. Японский фонд предоставил мне грант на годовое пребывание в Японии, чтобы написать работу о российско-японских отношениях. Представился редкий шанс объехать всю Японию, поработать во множестве архивов и библиотек, провести насыщенные полевые исследования и завершить давно задуманное. Это было довольно сложно, так как мне не приходилось рассчитывать на конкретную помощь от японских коллег. С другой стороны, я был полностью предоставлен себе и мог распоряжаться своим временем, как хотел. В результате — собраны материалы не только для этой, но и для последующих книг: «Русский Нагасаки или Последний причал в Инасе», «Русский Кобе и его окрестности» и «Иокогама-Токио: Русские страницы». Выпустив в свет эти сочинения, предполагаю позднее объединить все сведения в одну книгу. Что же получилось из первой пробы, предоставляю право судить читателю.

Так как изучением российско-японских отношений я занимался более 25 лет, трудно упомянуть всех, кто помогал на этом трудном пути. Отмечу лишь некоторые имена. С профессором Теруюки Хара встретился во Владивостоке в середине восьмидесятых, когда работал учёным секретарем Приморского филиала Географического общества. Этот японский историк опубликовал множество работ о российско-японских отношениях. Мне было очень приятно получить от него приглашение поучаствовать в марте 2006 г. в научной конференции в Славянском центре Хоккайдского университета, которая совпала с его уходом в отставку. Неоднократно довелось встречаться на научных симпозиумах с профессором Казухико Савада, который много лет не воспринимал серьёзно мои исследования и только в июле 2005 г. отозвался обо мне благосклонно. Также

7 Lensen G. Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in Northern Japan. Hakodate: Municipal Library, 1954. 216 p., il.

благодарю доцента Кокушикан университета Якова Романовича Зинберга. Занимаясь много лет в уникальной библиотеке Гавайского университета, я почерпнул в ней наибольшее количество фактов. Бесценными считаю и консультации с великолепным знатоком библиографии взаимоотношений России со странами АТР Патрицией Полански и блестящим профессором-историком Джоном Стефаном, которого по праву можно назвать отцом изучения проблемы Южных Курил. На Гавайях я познакомился через матушку Эмико Левина и с профессором Джин Сакихара, которая не только помогла разобраться с нюансами японской культуры, но и стала спутницей в поездке по Хоккайдо. В Японии большую помощь оказал и другой мой сенсей, Виктор Николаевич Незамутдинов, бывший директор Хоккайдского филиала ДВГУ. Бесценной была помощь сотрудников Хоккайдской библиотеки, сокровищницами которой пользовался и Г.А. Ленсен. В работе по сбору материалов весьма помогли и люди, которые когда-то жили на Хоккайдо: Любовь Семёновна Швец (урождённая Яшкова), Ирина Долгова, Георгий Белошапков, Муса Кагава, Ольга Зверева и многие другие. Редактирование рукописи выполнила Ольга Сазонова, без помощи которой книга не приобрела бы законченный вид.

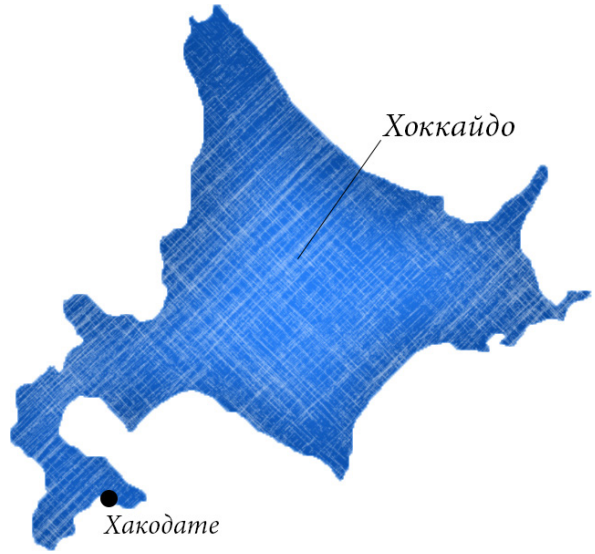
Я уже публиковал работу о русском Хакодате, которая вышла очень маленьким тиражом[8]. Возможности электронного издания позволяют расширить читательскую аудиторию. При этом настоящая книга проиллюстрирована новыми фотографиями.

Буду благодарен за любые уточнения и дополнения, которые пришлют читатели по адресу: Россия, 690041, г. Владивосток, ул. Полетаева, д. 49. Email: amir.khisamutdinov@vvsu.ru, khisamut@hawaii.edu

8 Хисамутдинов А.А. Русские в Хакодате и на Хоккайдо, или Заметки на полях. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 405 с., ил.

Знакомство с Хакодате

Знакомство с Хакодате



…Хоккайдо встретил июньским ливнем. Мрачная погода, так похожая на владивостокскую в это время года. Вспомнилась примета — «Если дальняя дорога начинается с дождя, то это к удаче». Хотелось бы верить, что мне повезёт… Чем ближе подъезжал к Хакодате, тем больше нервничал — куда отправиться, чем заняться в первую очередь? В распоряжении странствующего историка было совсем немного времени — день-другой на каждый город, а посоветоваться не с кем.

Когда выходил из вагона, сразу приметил большое панно с барельефами российских кораблей и изображениями Е.В. Путятина и И.А. Гошкевича. Показалось, что мои герои кивнули мне: «Не тужи, мы поможем, всё будет отлично!».

Говорят, что название Хакодате идёт с 1454 г., когда знатный род Коно Масамити построил здесь усадьбу, напоминавшую ящик: «хако» – ящик, «татэ» (или «датэ») — усадьба. В информационном отделе (Hakodate City Tourist Information Center), непременной принадлежности любого японского вокзала, снабдили картой окрестностей и любезно объяснили, как и куда добираться. Мой огромный чемодан, набитый книгами и бумагами, был мощным якорем, лишавшим возможности маневрировать. Надо бы отвезти его в гостиницу, но это трата времени. Поэтому отыскал на вокзале автоматическую камеру хранения и впихнул чемодан в самую большую ячейку. С трудом закрыл дверцу, подперев её коленом, и смахнул пот с лица: с одним делом справился.

Отправляясь из Токио на Хоккайдо, даже не подумал, что разница в климате может быть настолько существенной. Лёгкая ветровка не спасала ни от ветра, ни от дождя, который лил, как из ведра. Но ждать милостей от каприз-

ной погоды было некогда. Бросив прощальный взгляд на уютный вокзал, где в тепле дремали пассажиры, выскочил на площадь – прямо к стоянке такси. Завидев меня, таксист предусмотрительно приоткрыл дверь и, как мне показалось, не поверил своим ушам, когда узнал, что мне нужно в эту непогоду ехать на Иностранное кладбище. В его глазах читался вопрос: «В своём ли он уме?». Пришлось повторить адрес, произнеся его как можно разборчивее.

Кладбище оказалось совсем недалеко. Таксист спросил, не нужно ли подождать, но я храбро открыл дверь и очутился под ливнем. Пройдя через незапертую калитку, попал на довольно большой участок, заставленный камнями с выбитыми на них православными крестами и надписями на японском языке. Выходит, это кладбище православных японцев, которых соотечественники воспринимали почти как иностранцев. Сфотографировал несколько надгробий и побрёл дальше в поисках русских могил.

По обе стороны кладбищенской аллеи виднелись участки с захоронениями разных конфессий. Вскоре, воздавая мне должное за отвагу и ливнеустойчивость, показалась вывеска на японском и русском языках: *«Русское кладбище было официально открыто в 1870 г. В настоящее время на кладбище находится 43 могилы, включая 25 членов экипажей российских военных судов, также 7 могил эмигрантов из России»*. На этот раз высокая металлическая калитка оказалась закрытой на висячий замок. Пришлось вспомнить детство и перелезть через неё, оглянувшись на всякий случай по сторонам. Вокруг было пусто: желающих гулять по кладбищу в ливень не было. Кстати, во время своего визита в Нагасаки в 1891 г. цесаревич Николай, увидев запертую калитку Русского кладбища в Инасе, также перепрыгнул через неё.

Русское кладбище

Полустёртые буквы на каменных плитах, подстриженная трава, аккуратные ряды могил... Сто лет тому назад было по-другому. Отец Николай, один из первых православных священников в Японии, а в будущем — первый православный святой, каждый раз, приезжая в Хакодате, посещал Русское кладбище. Так, в 1898 г. он отметил в своем дневнике, что оно «содержится не особенно чисто».

Николай Японский (Касаткин)

Нужно по достоинству оценить труды японцев: они постарались расшифровать надписи надгробий и сделали соответствующие металлические таблички для каждого захоронения. Центральная аллея Русского кладбища делит его на два участка. На одной половине большинство могил относится к начальному периоду пребывания русских в Хакодате и принадлежит военным морякам. Матрос корвета «Посадник», член экипажа транспорта «Японец»… Знакомые названия. Их унаследовало немало географических объектов Дальнего Востока. Корвет «Моряк»? Вероятно, это «Морж», а японцы просто не разобрали незнакомую букву. На второй части кладбища обнаружил могилы первых русских жителей Хакодате. Здесь нашла свой последний приют и жена первого российского консула Гошкевича. Не эта ли смерть подтолкнула его к возвращению на родину? Уверен, что захоронений здесь намного больше, чем видно глазу. Гораздо чаще, чем каменные памятники, ставили деревянные кресты, от которых со временем ничего не осталось…

Возвращаясь, увидел памятник женщинам из квартала Уму Рёенто (Monument of Umu Ryoento), установленный в 1864 г. Когда порт Хакодате официально открыли для иностранных визитёров, власти выделили специальный район «красных фонарей» для «свободной любви», чтобы контролировать проституцию и ограничить распространение венерических заболеваний. Он находился неподалёку от того места, где ныне — Русское кладбище. Памятник говорит об обратной стороне открытости Японии: приход в Хакодате иностранных моряков обеспечил «работой» ряд женщин, у которых не было иного выбора. Деньги на памятник собрали содержатели домов терпимости, чьи имена выбиты на пьедестале.

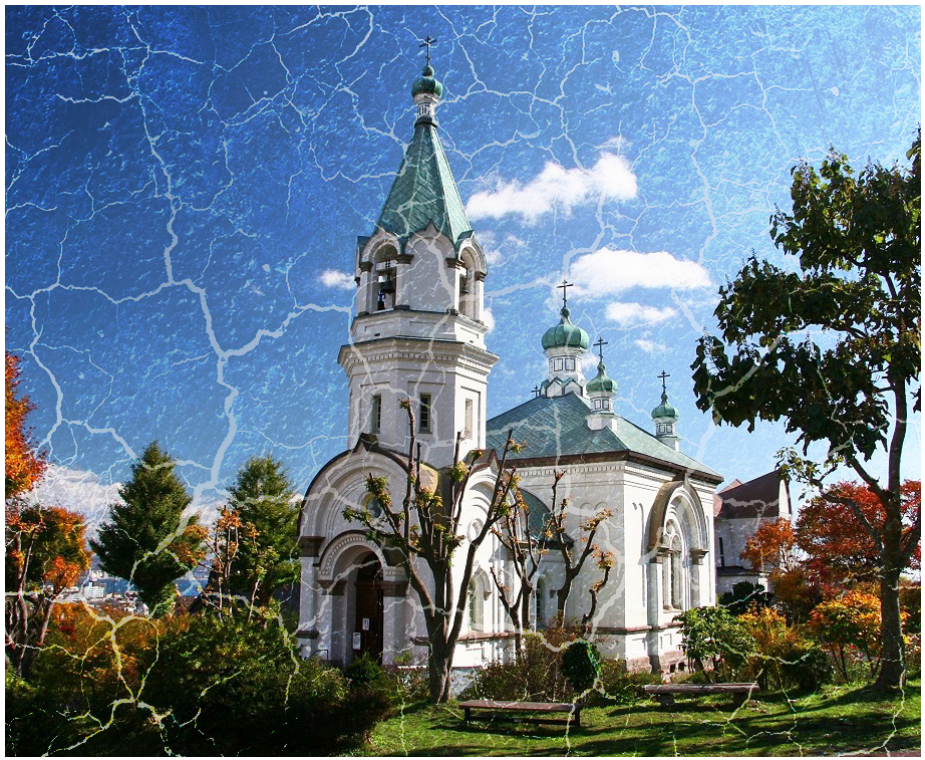
Поймав такси, вновь заметил удивлённое лицо водителя: «Что делал здесь этот промокший до нитки иностранец?». Я же пытался сквозь стекло рассмотреть Хакодате, вспоминая описания, оставленные первыми русски-

Памятник женщинам из квартала Уму Рёенто

ми путешественниками. Конечно, уже ничто не напоминает прежний город. Подобные широкие улицы, с такими же рекламами и магазинчиками типа «Seven/eleven»[9], можно встретить в любом уголке Японии.

Пользуясь тем, что дождь перестал, решил побродить по городу и взял курс на православную церковь (Harisutosu Sei Kyokai). Это одна из основных достопримечательностей Хакодате, и изображение церкви стало символом всех городских туристических указателей. Даже мрачная погода не могла умалить очарования, которым веяло от этого здания. Неслучайно Храм Воскресения Христова считается самым красивым зданием в Хакодате и внесён как памятник архитектуры в список особо значимых для государства культурных ценностей. Одновременно со мной его разглядывали две пары японцев под зонтами. Храм стоит на мощном каменном фундаменте — спасение от частых землетрясений. Стены, толщиной в три-четыре кирпича, оштукатурены и покрашены в белый цвет. Осенью 1988 г. завершилась капитальная реставрация, которая продолжалась три года. Предполагаю, что где-то на этом месте стояло и первое Российское консульство.

За посещение храма денег не берут, но предлагают добровольно пополнить



Собор Воскресения Христова

9 Название обусловлено временем работы: с 7 час. утра до 11 час. вечера. В Японии такие магазины иногда работают круглосуточно.

Хакодате. Вид с одноименной горы днем

церковную кассу. Около входа расположился художник, который продавал за тысячу иен фотографии своих картин, оформленные в деревянные рамки, с автографом на обратной стороне. Я тоже прельстился одним снимком: очень уж понравился художник. На ступеньках храма обнаружил брошенный зонтик со сломанной спицей. Что ж, от дождя спасёт, а главное, не буду выделяться среди японцев. Несмотря на их невозмутимость, они то и дело бросали любопытные взгляды на промокшего иностранца.

Спускаясь по центральной улице к набережной, обратил внимание на то, что магазинов и забегаловок здесь не так много: видимо, власти решили не загружать историческую часть города торговыми комплексами. Ещё бы погулять, подышать воздухом Хакодате, напоённым воспоминаниями о прошлом, связанном с русскими, но стало смеркаться. Забрал на вокзале свой чемодан и снова сел в такси. Водитель-японка была разговорчива.

— Откуда? Из России?! О, я была на Сахалине, мне очень понравилось! И Вам очень понравится на Хоккайдо, я уверена. Хотя, как говорят, где живешь, там и столица![10]

Машина затормозила около небольшого современного дома с ярко освещённой вывеской. Типичная японская гостиница-рёкан, с отделкой из дорогого дерева, выглядела очень уютно и ухоженно. Как всегда в подобных гостиницах, встретили очень доброжелательно.

— Добро пожаловать, мы Вас давно ждём!

От этих дежурных фраз, которые слышишь в любой японской гостинице, тем не менее веяло домашним теплом. Меня тут же провели в номер и решительно пресекли попытки схватиться за чемодан.

10 Сумэба мияко – яп. поговорка. Ср. русской «Всяк кулик своё болото хвалит!»

— Не беспокойтесь, мы поднимем багаж в Вашу комнату сами.

Знали бы они его вес!

Чуть позже вид изящной японки в кимоно, с трудом втащившей чемодан, заставил меня покраснеть. Не предполагал, что носильщиком будет эта девушка, будто сошедшая с гравюр знаменитого Утамаро. На татами уже был расстелен футон, на столике ждал горячий зеленый чай, который пришелся как нельзя кстати. Переодевшись в сухое — японский халат-юката положен каждому постояльцу рёкана, — стал просматривать снимки, сделанные на кладбище. Несмотря на дождь, фотографии получились неплохо. Теперь можно заняться расшифровкой надписей на могилах, но сначала не мешало бы согреться в местном термальном источнике — онсене.

Хоккайдо — гористая местность, где горячих минеральных источников больше, чем в других частях Японии. Онсены различаются количеством сероводорода и других элементов в воде, что проявляется в цвете, запахе и вкусе. Первым русским, поселившимся в Хакодате, очень нравился местный онсен. Запись о нём оставил врач Русского консульства Альбрехт: «Близ Хакодате есть также серный горячий источник кварцевой воды, при котором устроена ванна для пользования больных. Японцы, не имея хороших докторов, имеют большую веру в минеральные источники, так что обе ванны бывают постоянно полны».

Другой русский очевидец писал: «Серный ключ от города в верстах в десяти; дорога идет по полю, потом вдоль берега Сангарского пролива. Деревушка, где находится ключ, лежит в лощине, так что её не видать, пока не начнёшь спускаться с горы. Деревня окружена зеленью и стоит при реке; в десяти шагах от неё бьёт из-под земли тёплый серный ключ. Над ним устроен

Хакодате. Вид с одноименной горы вечером

дом, куда впускают желающих купаться даром; у самого выхода ключа устроен бассейн в роде кадки; с боков её идут скамейки, на полфута покрытые водой, так что сидишь на скамейке, а ноги у ключа. Зимой температура воды 25 градусов по Реомюру. Жаль, что помещение около ключа сделано довольно тесно; впрочем, пенять нельзя, потому что купанье даровое».

В современном онсене обычно бывает два отделения — мужское и женское, кроме ванн под крышей, как правило, имеется ещё и уличный бассейн — ротэнбуро, обложенный диким камнем, а иногда окружённый и деревьями. От любопытных взглядов он обычно скрыт декоративным забором. Посетителей кроме меня не оказалось. Сначала уселся на низкую скамеечку-косикакэ перед краном и смыл дорожную пыль. Теперь можно окунуться в воду источника. Я выбрал бассейн под открытым небом. Ни с чем несравнимое удовольствие нежиться в горячей воде, когда вокруг сверкают молнии, гремит гром и капает дождь!

На рейде виднелись одиночные огни судов. Когда-то здесь стояли и русские корабли. Впрочем, вполне возможно, и сейчас кто-то из российских рыбаков ходит по Хакодате или рассматривает в бинокль берег с рейда. Что и говорить, в истории всё перемешалось. Конечно, следов не осталось от того серного источника, что был облюбован первыми русскими жителями Хакодате, но появились другие места, куда нынче заглядывают мои соотечественники.

Небольшая экскурсия по достопримечательностям Хакодате

Небольшая экскурсия по достопримечательностям Хакодате

Ресторан "Готокэн"

В Хакодате немало мест, связанных с русским присутствием. Поэтому и решил первым делом осмотреть их. По пути увидел красивый ресторан, на котором красовалась вывеска «Готокэн» (Gotoken). Это же первый русский ресторан, основанный японцем! По заверениям профессора Есикадзу Накамуры, шеф-поваром этого ресторана был Эикити из Гото, Нагасаки. Существует версия, что сразу после гражданской войны в Японии в 1868 г. он пришёл работать на кухню Российского консульства, где и научился русской кулинарии. Потом он открыл в Хакодате собственный ресторан — «Готокэн». Находился он, конечно же, совсем в другом месте, нежели современный.

Шикарный фасад этого фешенебельного заведения явно соответствовал ценам, поэтому я не решился проверить качество русской кухни. В путеводителе отмечено, что здесь кормят иностранной едой с 1879 г. и предлагают отведать хорошие curries, crab croquettes, borsht (борщ?) и прочие блюда, намекая, что обойдутся они недешёво. Что же касается ресторанов с русскими владельцами, то один из первых в Японии тоже появился в Хакодате в гостинице «Росиа Хотэру» (Russia Hotel).

В центре города обнаружил памятник Кизу Кокити (Kizu Kokichi), первому японскому фотографу. Он так и называется: памятник Хакодатской колыбели фотографии, и установлен благодаря усилиям Хоккайдского союза японского фотоискусства в 1964 г. в честь столетия открытия в Хакодате фотомастерской Кизу Кокити.

Историк Г. Ленсен выяснил, что с фотоискусством японцев познакомили русские. Кизу Кокити был родом из Этиго (Echigo), в конце 1850-х гг. пришёл в Хакодате, чтобы заняться изготовлением японских носков, и владел там портняжной мастерской. Однажды первый российский консул в Хакодате, И. А. Гошкевич, зашёл к нему с заказом: сшить новую одежду по тем образцам, что он принёс с собой. Портной никогда не видел таких вещей и попросил оставить их на некоторое время в мастерской. Кокити, видимо, был умельцем, и с заказом успешно справился. Правда, сказать, что это были первые изделия, сшитые японским мастером для русских, нельзя. В своё время в Мацмае японцы изготовили несколько обновок пленному Головнину, который жаловался, что они выглядели неказисто.

После заказа Гошкевича портной Кизу Кокити стал специализироваться на шитье европейской одежды, в чём вполне преуспел. Встав на ноги и подко-

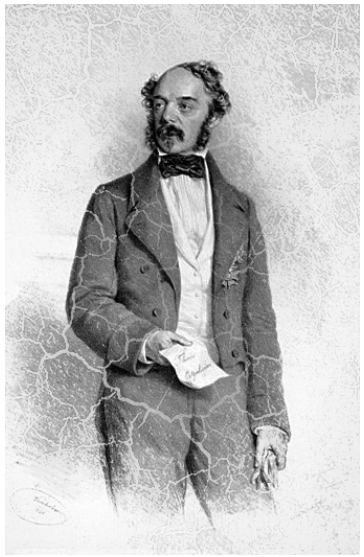
пив денег, он отправился навестить родные места. На судне у кого-то он увидел фотоаппарат и так заинтересовался им, что уговорил владельца обменять его на медвежью шкуру. Но, несмотря на все усилия японца, снимки у него не получались. Трудно сказать, как бы распорядился портной технической новинкой, если бы не Гошкевич, который зашёл в мастерскую с новым заказом вскоре после возвращения Кокити в Хакодате. Русский консул и объяснил ему, как пользоваться новым устройством. Можно предположить, что учителем был и доктор Альбрехт, который увлекался фотоискусством.

Поскольку дела в портняжной мастерской к этому времени пошатнулись, и она была близка к закрытию, Кизи Кокити решил заняться другим делом. Около 1864 г. в районе Shinchishin-machi (позднее — Funamicho) в Хакодате появилось его фотоателье. Спустя много лет он уехал в Токио, где научился делать цветные снимки.

Одновременно с Кизу Кокити фотографии в русском консульстве обучился и Тамото Кензо (Tamoto Kenzo). Вот какое свидетельство сохранилось о нём. «Отец мой, — вспоминал Николай Матвеев, — в то время служил в консульстве фельдшером. Заболела у одного японца нога. В то время при консульстве был устроен большой госпиталь, чуть ли не единственный, впоследствии сгоревший, куда и положили больного, и где лечилось немало японцев. Стали японца лечить, но нога разболелась так, что вылечить уже не удалось и пришлось часть ноги отрезать. Не знаю, по какой причине, но нога у бедняги разболелась снова, и её вскоре пришлось отпилить повыше. Оказавшись калекой, японец уже не мог делать то, чем занимался раньше. Долго думали, как помочь бедняге, и, наконец, придумали его научить фотографии. Первым аппаратом, если не ошибаюсь, его снабдил священник консульства отец Николай (ныне — епископ Японии). Калека скоро привык к аппарату и стал снимать. Так как отец ему резал ногу, он (Тамото) решил его отблагодарить, и его портрет был одним из первых».

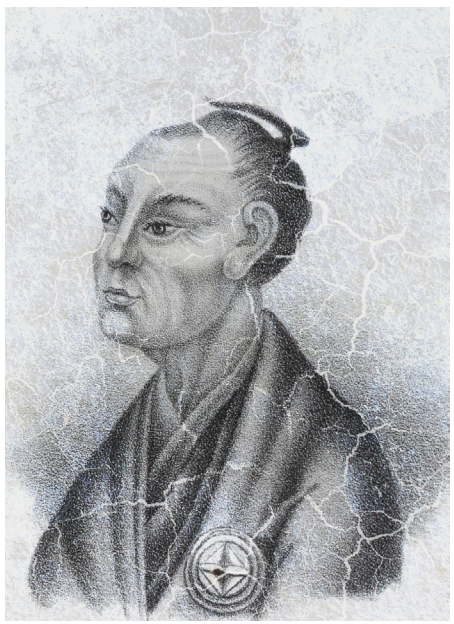
На памятнике отмечено, что помимо Кизу Кокити и Тамото Кензо большую роль в мире хакодатской фотографии играл также Ёкояма Мацусабуро. Вслед за Хакодате открылись фотостудии «Хикома» (Ueno Hikoma) в Нагасаки и «Симоока Рензё» (Shimooka Renjo) в Иокогаме. Русские, которых с каждым годом становилось в Японии всё больше и больше, стремились сфотографироваться на память. Кстати, в старом Владивостоке японские мастера считались одними из лучших фотографов.

От памятника дорога привела в городской парк. Подобно другим японским паркам, он выглядит прекрасно: ухоженные растения, изящные скамейки, красивые тропинки, выложенные камнем… Когда-то в этом месте располагалась батарея русских пушек с фрегата «Диана». Этот корабль побывал здесь в октябре 1855 г., потом было плавание вдоль японских берегов и кораблекрушение в Хеда, где русских моряков вытащили на берег. В знак добрососедства русские подарили Японии грозные орудия с «Дианы». Их перевезли на Хоккайдо и установили в специально построенном форте в Хакодате. Пушки показали, на что они способны, во время гражданской войны в Японии. Потом — «почётная отставка» и роль достопримечательности в парке. Во время Тихоокеанской войны 1945 г. русские пушки отправили на переплавку, чтобы превратить их в японское оружие. Конечно, точного места, где они когда-то стояли, уже не найти.



Людвиг Хабер

В тихом уголке парка увидел монумент Людвигу Хаберу (Ludwig Haber), который в феврале 1874 г. прибыл в Хакодате в качестве исполняющего обязанности немецкого консула. 11 августа того же года его убил самурай Тазаки Хидетика (Tazaki Hidechika) из клана Акита, специально приехавший в Хакодате. Преступника сразу же схватила местная полиция, и в сентябре он был казнён. Так как убийство совершил одиночка, немецкое правительство предпочло сохранять спокойствие и не предпринимать никаких дипломатических действий. Хабера похоронили на Иностранном кладбище. В 50-летнюю годовщину его гибели прах вернули на место трагедии и сделали этот уголок мемориальным. В церемонии принял участие племянник покойного — Фриц Хабер, нобелевский лауреат. На кладбище же оставили прежний монумент. В 1944 г. японская армия убрала памятник с могилы, но в 1949 г. его нашли и вернули на место.



Такадая Кахей

Пройти мимо огромного памятника Такадаи Кахэя (Takadaya Kahei) невозможно. Он стоит, повернувшись лицом к морю, в японской парадной одежде хакама с мечом. Статуя изображает Кахэя в момент освобождения Головнина и возвращения его на «Диану» в 1813 г. В правой руке он держит свиток с актом администрации Мацмая, а в левой — одежду, которую он сменил, вернувшись с «Дианы». Монумент отлили на пожертвования горожан в 1958 г., когда отмечали столетие открытия Хакодатского порта, и установили на семиметровом каменном постаменте. Его изготовил уроженец Хакодате скульптор Янагава Гоити (Yanagawa Goichi).

Каждый год в конце июля около памятника проводится красочная

Монумент Людвигу Хаберу

Памятник Такадаи Кахэя

церемония – «Праздник Такадаи Кахэя». В ней принимают участие не только жители города, но и гости со всего Хоккайдо и острова Авадзи (Awajishima), откуда был родом Кахэй. К сожалению, не довелось увидеть это красочное шествие: буддийских и синтоистских священников, музыкантов, играющих на старинных флейтах, танцоров, исполняющих национальные танцы, детей, бьющих в барабаны и барабанчики. В выступлениях участвуют и бывшие жители Северных территорий, ведь Кахэй часто бывал на острове Итуруп, плавал между островами, из-за которых сейчас ведутся споры.

Чуть дальше по аллее установлена стела русско-японской дружбы. Путеводитель сообщает: *«В 1999 году потомки Головнина и Рикорда, посетив Японию, встретились с потомками Такадаи Кахэя. Так, через 186 лет снова встретились семьи, которых навеки связало историческое событие. Эта стела посвящается тем, кто стоял у истоков дружбы России и Японии, и памятной встрече их потомков спустя почти два века».*

Стела русско-японской дружбы

Среди густых деревьев увидел здание бывшей Хакодатской муниципальной библиотеки. То, как много воды утекло с того времени, подчеркивают разросшиеся деревья, почти полностью закрывшие собой строение. Неподалёку располагается городской музей. Официально его открыли в 1879 г. Вначале это была музейная выставка Хакодатского отделения Управления развития Хоккайдо. Здание музея является одним из старейших в Японии, и в 1963 г. оно было объявлено национальным культурным достоянием Хакодате. Через три года музей перевели в новое здание, сохранив в экспозиции много прежних экспонатов, а в старом строении устроили ещё одну выставку, хорошо оформленную, посвящённую природе и айнам. На витрине с геологическими коллекциями, собранными на Хоккайдо каким-то французским исследователем, заметил каталог, отпечатанный в конце XIX века в Петербурге. Надпись сообщала, что именно туда учёный передал дубликаты своей коллекции.

Где же мои русские? Я спросил об этом научного сотрудника, продававшего билеты в музей.

— Русские…, — покачал он головой. — Подождите…

Вскоре ко мне выскочил господин средних лет и уже на ходу представился:

— Казухиро Хасебе, директор и куратор этого музея.

Узнав, что я из Владивостока, он всплеснул руками:

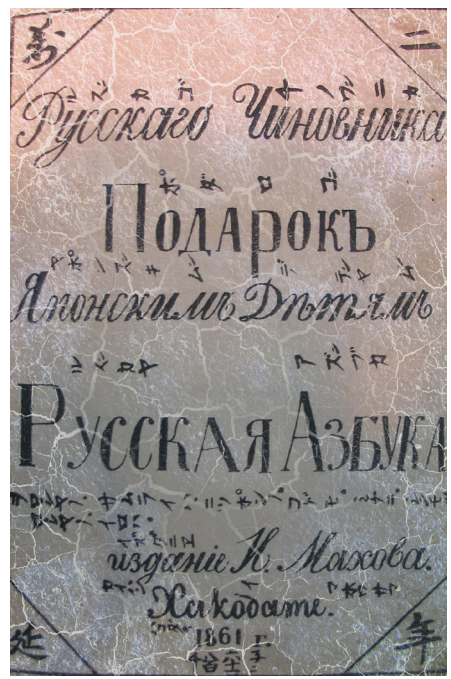
— Я в прошлом году был у вас в городе и посетил музей имени В.К. Арсеньева.

Он назвал несколько знакомых фамилий. Выяснив, что мне нужно, он посоветовал поехать в город, где имеется сеть небольших музейчиков. Так я и сделал. Первым был выставочный зал Такадаи Кахэя, расположенный в старинном каменном амбаре в двух шагах от бухты. Здесь всё было перемешано: якобы личные вещи Кахэя, его портреты и скульптуры, макеты судов, корабельное оборудование и множество прочих вещей, рассказывающих о той эпохе… Используя Хакодате как базу, Кахэй развил рыболовную индустрию и превратил небольшую заброшенную деревню в динамично развивающийся порт. Оценив по достоинству успех предпринимателя, сёгунат Токугава в 1800 г. дал ему высокий титул, разрешив использовать имя Такадая и носить меч.

Младший брат Кахэя — Кимбэй, продолжив семейное дело, взял взаймы 50 тыс. цубо земли от сёгуната Токугава и построил резиденцию с огромным садом, искусственным холмом, прудом и декоративными камнями. Она находилась недалеко от того самого места, где сейчас разбит городской парк. Имеется и мавзолей семьи Такадая в храме Syomyoji.

В одной из экспозиций увидел пишущую машинку «Royal» с русским шрифтом. Осталась от российских рыбопромышленников Дембы или Люри? На почётном месте лежал и экземпляр «Азбуки», составленный письмоводителем Российского консульства И. Маховым.

Девушка, продававшая билеты, попыталась всучить мне ещё один за 500 иен, но я отмахнулся и, как потом



Обложка Азбуки И. Махова

выяснилось, напрасно. Мне показалось, что предлагают посетить Этнографический музей северных народностей (Hoppo Minzoku Shiryokan), куда я уже заходил, но ничего русского среди айнских коллекций, весьма богатых и разнообразных, не нашёл. Оказалось, что музей другой — не северных народностей, а северной истории — и вся его экспозиция посвящена Кахэю. Интересно, почему не объединили все материалы о нем в один музей? Центральную часть зала занимает гипсовый бюст Кахэя, моделью для которого послужил его потомок — Такада Касити. Значительное место в музее отведено истории с пленением и освобождением Головнина. Под рисунком «Дианы» с поднятыми парусами установлен бронзовый бюст русского мореплавателя, подарок его потомка Петра Головнина, приезжавшего на открытие музея. Рядом с бюстом — портрет капитана Рикорда, присланный из России.

В соседних витринах помещены «Записки флота капитана Головнина о его приключениях в плену у японцев» на разных языках и выпущенные в разные годы, начиная с самых первых изданий, а также написанные скорописью японские материалы об этой эпопее. Одна фраза из японского буклета, напечатанного на английском языке, позабавила: *«This incident occurred in 1812 when the Japanese garrison, angered by the Soviet invasion of Japan's Northern islands, captured and imprisoned Adm. Golovnin».* В стремлении вернуть Северные территории, Япония «провозгласила» советскую власть уже со времён Головнина. Без всякой связи с Кахэем и Головниным находится в зале и большая скульптура первого российского консула И. А. Гошкевича. Предполагаю, что русские подарили её, рассчитывая, что власти установят в городе, но пока место скульптуре нашлось только в музее[11].

С обзорной башни форта Горёкаку (Goryokaku Fort) высотой 60 метров можно видеть весь Хакодате. Это первая японская крепость европейского типа, построенная в виде пятиконечной звезды. Комиссионер Хакодате возвёл её для филиала новой администрации правительства Эдо. Пятиугольная звезда была создана Такедой Аясабуро, японским учёным, получившим образование в Дании. Строительство началось в 1857 г., а закончилось в 1864 г. Командиром крепости был Эномото Такеаки (Enomoto Takeaki), вице-адмирал военно-морского флота. Он возглавил воинов после падения сёгуната Токугава и занял форт Горёкаку, бежав в 1868 г. по берегу из Синагавы (около Токио).

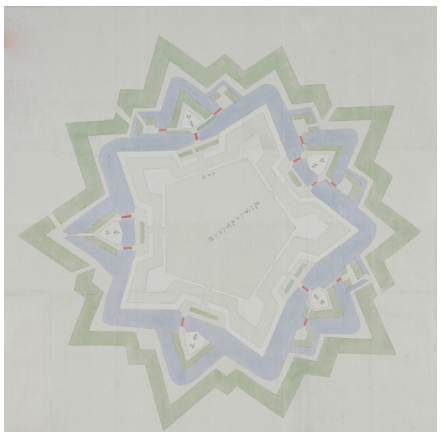


Схема форта Горёкаку

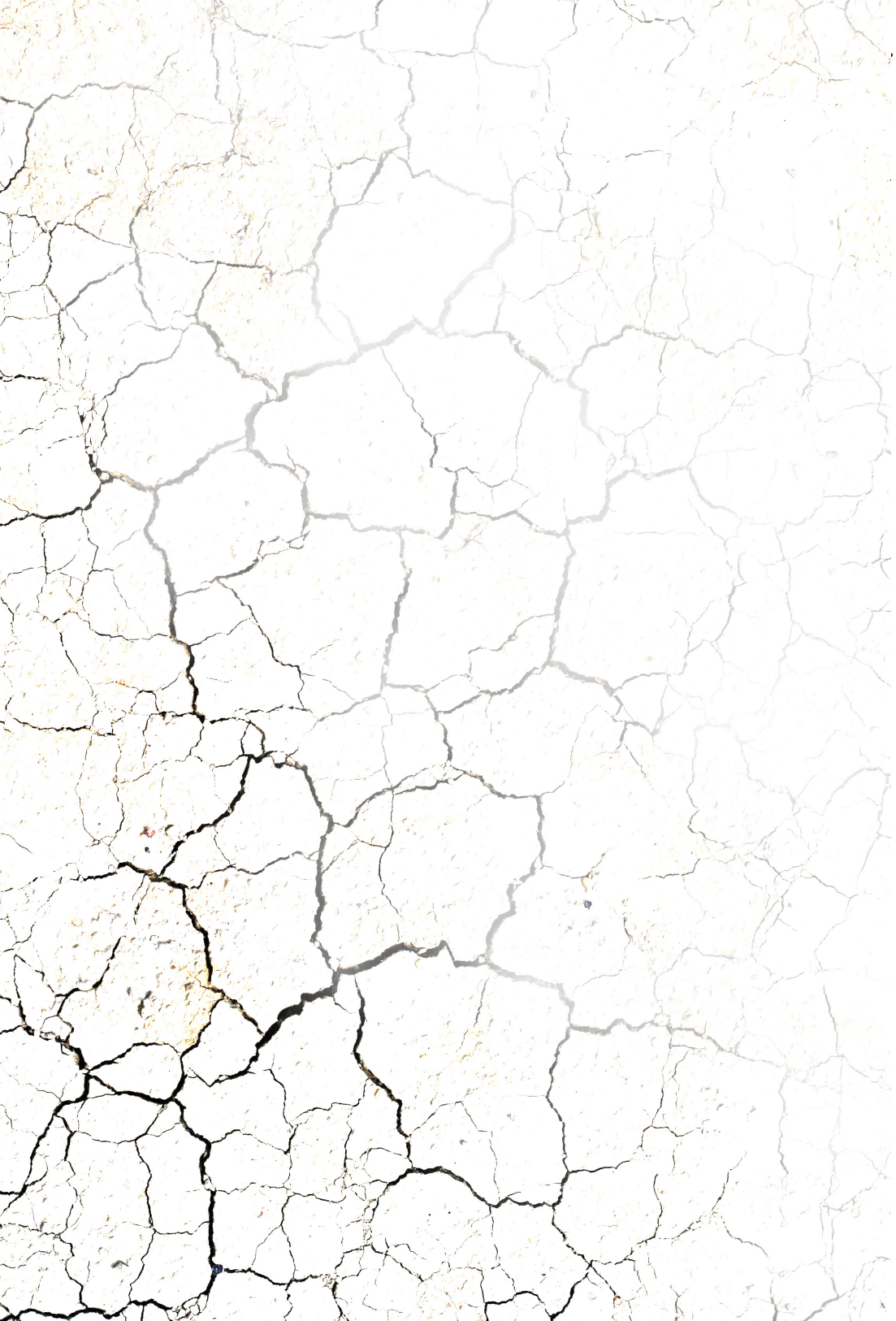
11 В августе 1994 г. по инициативе местных властей и Общества белорусско-японской дружбы создали Фонд И. Гошкевича, а вскоре в г. Островец (ныне Гродненская область) воздвигли памятник дипломату и японоведу (скульптор В. Янушкевич). В память о знаменитом земляке жители Островецкого района Гродненской области установили в районном центре бюст, а в посёлке Мали памятный знак. Барельеф И.А. Гошкевича безвозмездно выполнил скульптор Р. Б. Груша.

Форт Горёкаку

Известным деятелем гражданской войны был и Хийиката Тосизо (Hijikata Toshizo) (1835–1869), чей памятник также установлен в крепости. Он родился в Мисаси (Musashi), одном из районов Эдо. После соединения с силами Эномото в Сендае он стал вице-командиром наземных соединений. Его убили во время военных действий 11 мая 1869 г. в Хакодате. А Эномото Такеаки впоследствии стал послом Японии в Российской империи.

В марте 1962 г. крепость получила статус исторической достопримечательности, хотя от старых крепостных построек ничего не осталось. Ныне в крепости находится филиал музея, в котором собрано 3500 экспонатов Хакодатского сражения. Вокруг раскинулся парк, где высажено около 4000 деревьев сакуры, которые замечательно цветут в конце апреля. Кстати, около города имеются остатки и другой старой крепости — Сирёкаку, построенной в 1869 г. для защиты от войск нового правительства Мэйдзи.

Возвращение в Хакодате. История города



Возвращение в Хакодате. История города

Приехав вечерним поездом из Кобе, я вновь оказался на вокзале Хакодате. И вновь меня встречает ливень. В туристическом бюро, несмотря на поздний час, работали. Объясняя дорогу к нужной гостинице, замахали руками, когда узнали, что хочу идти туда пешком.

— Что Вы! Посмотрите, какой дождь! Поезжайте на трамвае!

Я же, насидевшись в поезде, хотел размяться.

Хотя всего шестой час вечера, а на улице уже темно. Спешат куда-то редкие прохожие. Я бреду с тяжелой сумкой, набитой книгами, а ещё на плече — тяжелый компьютер. Это только кажется, что жизнь историка проста и проходит в тёплой домашней обстановке. «Полевые условия» они и есть полевые.

Сразу за вокзалом тянется «рыбная» улица. Она открывается ранним утром для торговли рыбопродуктами, но и сейчас, вечером, наполнена запахами моря. Каким-то шестым чувством, как будто я долго жил в Хакодате и всё здесь знаю, нашёл свою гостиницу с вывеской на фасаде Pension Yumesorakan. У высокой и крутой лестницы поджидал приветливый хозяин Хигаси Рикимацу (Higashi Rikimatsu).

— Вот, пожалуйста, заполните карточку!

Я написал имя и владивостокский адрес.

— Да, этого достаточно. Нет, никаких документов не нужно. Вот Ваш ключ. А что подать на завтрак: кофе или чай?

В номере обнаружил две огромные кровати и умывальник. Одну сразу превратил в письменный стол, забросав бумагами. Инструкция, приколотая на дверь, сообщала, что за отдельную плату можно получить полотенце и юкату. В коридоре имелись общий компьютер для электронной почты и о-фуро. Оплата за всё — четыре с половиной тысячи иен в день. Промокшему до нитки горячая ванна была весьма кстати…

Завтрак превзошёл все ожидания. Видимо, ограниченность площадей хозяева компенсируют хорошей утренней едой. Здесь и пышный вкусный хлеб, европеизированный суп-мисо, изящно выглядевшее основное блюдо да ещё и сладкое!

После завтрака отправился в Хакодатскую центральную библиотеку, у входа в которую установлен небольшой бюст основателя библиотеки и её первого директора, Окады Кэндзо, превосходного краеведа, автора нескольких исследований по истории Хакодате. Это он претворил в жизнь идею собрать в библиотеке не только книги, но и архивные материалы: рукописи, письма, рисунки и фотографии.

В библиотеке пришлось первым делом прочитать правила пользования книжным собранием, и только потом мне выдали несколько библиографических указателей. Особенно интересным показался тот, в котором собраны сведения о материалах, касающихся русско-японских отношений. Подавляющее большинство мне уже было знакомо из книги Г.А. Ленсена. Миловидная девушка-библиотекарь, быстро просмотрев мой список, сразу отсортировала заявки по важности и отправилась за книгами.

Пленение В. М. Головнина. Из Хакодатской библиотеки

Буквально через несколько минут на мой столик положили первый «улов» — рукописную грамматику русского языка, составленную Головниным! Позднее известный мореплаватель писал о своём опыте: «Не имев при себе книг, с помощью коих мог бы я написать грамматику, довольно полную, я принуждён был довольствоваться тем, что мог сыскать в своей памяти и писал оную более четырех месяцев. В предисловии, между прочим, упомянул я, что если попадется она в руки кому-нибудь из русских или знающему русский язык, то надобно ему помнить, что я писал наизусть. Примеры в ней все помещал приличные нашим обстоятельствам, клонящиеся к сближению и дружбе двух империй, что японцам весьма нравилось». Вот один из них, почерпнутый из грамматики Головнина: «Война много препятствует купечеству».

А вот подлинные рисунки, которые рассказывают о пленении Головнина! Господи, а это гравюры о приходе в Хакодате Лаксмана! Признаюсь, с дрожью открыл русскую азбуку Ивана Махова. Всего 150 лет тому назад этот экземпляр держал в руках сам автор, а теперь к бесценному раритету прикасаюсь я. Из заметок Махова известно, как эта азбука создавалась.

«Давно думалось мне, что бы от безделья сделать здесь дельное, — писал Иван Васильевич. — Собирать растения — ботаников между нами много; насекомых — и по этой части есть охотники; ракушки — есть и такие знатоки; чучела приготовлять не могу, тошнит до рвоты: А что, если попытаюсь, думал я, составить, например, русско-японскую азбуку, как это выйдет? Принялся рисовать печатные и рукописные в четырёх видах буквы; трудно, скучно, а выходит недурно. Начертив все буквы и означив выговор их по-японски, показываю листки мои знакомым японцам; выговаривают почти правильно, каждый просит написать ему такую же азбуку.

— Ведь это чрезвычайно трудно, — говорю, — и для изучения русского языка одного букваря недостаточно; скажите лучше, есть ли в Хакодате типография?

— Нет, все книги печатаются в Иедо и Кьё (Киото).

— Как это делается там?

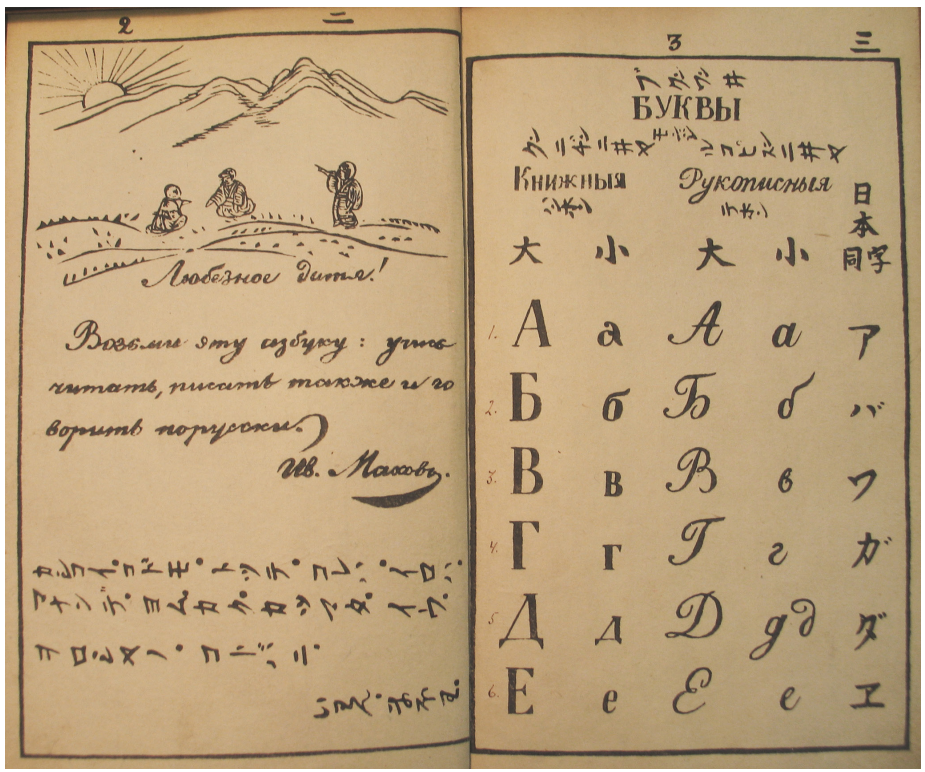
— Сперва, говорят, резчик вырезает известного сочинения буквы на досках, а с них уже переводятся оные на бумагу.

— Есть ли в Хакодате резчик и печатальщик?

— Печатальщик, хоть ледащий и лентяй, есть, а резчика собственно книжного нет, а такой только, который режет иногда фигурки в храмы.

— Поговорите с ним, не возьмётся ли он нарезать буквы русские.

Ну и Хакодате, думал я, ничего-то нет здесь порядочного. Следовало бы бросить дело, но скучно – делать нечего. В надежде привести своё намерение в исполнение уже в России я составил полную русско-японскую азбуку, написал печатными буквами заглавный лист, приложил к нему два прежних листка, как



Разворот Азбуки И. Махова

вдруг является мой знакомец с резчиком. Повертев листки в руках, он взялся попробовать, и я отдал ему первый заглавный лист. Нет моего резчика три дня, нет пять, на восьмой является.

— Трудно, очень трудно, а ничего, берусь нарезать.

Показывает доску и оттиск на бумаге: буквы знакомы, слова — как нужно, есть ошибки, но их поправить можно. На другой день является с инструментами, сели за исправление, и в три дня доска исправлена как нельзя лучше. Затем следовал вопрос о цене, о сроке: по 4 бу с листа и 8 дней на нарезку доски. 1 рубль 70 коп. — право, недорого! Нарезал ещё две доски, а я между тем готовлю следующие листки, перевожу слова на японский язык с обозначением выговора их японскими буквами; на 4-м и 5-м листах делаю разъяснение о словоударении, знаках препинания, определение, что такое буква, деление букв на гласные, согласные и безгласные; что такое склады.

— Трудно, — говорит резчик, — не могу нарезать мелких букв.

— Да ты же нарезал заглавный лист, а там буквы и мельче, и сложнее.

— Трудно, не могу, день и до двенадцати часов ночи сижу; жена бранит, дёшево взялся работать.

— Э, любезный, думаю, так дело-то в цене? Ну, сколько же ты хочешь?

— 5 бу с доски!

— Изволь, только продолжай дело.

Схватив листок, побежал мой Дзидзукити порадовать свою жену о прибавке 42 коп. Нарезав 6, 7 и 8-й листы, где идут уже склады с примерами, упражнения в чтении букв многосложных, примеры на ъ, ь, й и предлоги, Дзидзукити снова запел: «Трудно, не могу, жена бранит, говорит — дёшево». Поздно, мой милый, думаю я, поздно схватился ты! К окончанию азбуки следуют только 2 листа о словочтении, речении и краткий разговор.

— Сколько же нужно?

— 7 бу с листа!

— Работай, идет!

Дзидзукити тотчас же опустился на пятки, бух поклон в землю.

— Что жена твоя? — спрашиваю его после.

Тотчас на пятки, голова к полу, и нежно, чуть слышно шипит оттуда:

— Весьма благодарна, посылает нижайший поклон и желает благополучия.

В конце последней доски я позволил ему указать имя, с обозначением, что буквы нарезал он. Обрадовался этому мой резчик и доску последнюю сделал почти без поправок, даже вырезал генеральский цветок (вишнёвый). Сказать правду, уходила его азбука: с 6-й доски надел уже он на нос уродливые японские очки. При окончательном расчете я подарил ему сверх договорной цены 8 бу. Затем я могу представить вам образцовый пример японской лени, медленности, вялости в печатальщике Тайкити (имя его); но, право, ни времени, ни чернил не стоит этот обер-лентяй, хронометр беспрестанных отдыхов, трубкокурений, чаепитий, и к тому же злой человек. Работа его — адская пытка всякому терпению».

Несмотря на сетования Махова, «Азбука» была сделана очень хорошо. Следующая азбука русского языка выйдет в Хакодате только через 50 лет, и издаст её японец.

Плодотворно поработать в библиотеке в тот день не пришлось: голова вдруг

стала чугунной, по телу разлилась слабость, ощущение, что сейчас свалюсь. Решил лечиться проверенным способом: в бане, т.е. в онсене. Ещё раньше приметил в путеводителе, что в том же районе находится термальный источник. Уже вечерело. Молодой японец, заметив, видимо, как я нерешительно оглядываю окрестности, вызвался помочь и вскоре подвёл к зданию шикарной гостиницы. Нет, подумалось сразу, я не их клиент! И точно. Администратор, небрежно посмотрев в мою сторону, покачал головой.

— Ничего, недалеко отсюда есть ещё один онсен, попроще, — сказал добровольный спутник.

И действительно, через сотню метров я приметил знакомые иероглифы. Тепло распрощавшись с провожатым, нырнул в скромную дверь.

— С вас 350…

Три бассейна с разной, судя по надписям, водой. В первом не выдержал и пяти секунд: температура была около шестидесяти. Двое же японцев, как ни в чем не бывало, спокойно вели свои разговоры, погрузившись в этот кипяток. Присев на краешек бассейна, стал понемногу потеть. Что-то мне подсказывало, что полного успеха добиться здесь не удастся.

Выйдя в темноту, побрел в сторону остановки. Мимо пробегали редкие прохожие, обгоняя меня. До гостиницы добрался с трудом, утешая себя тем, что утро вечера мудренее.

Проснулся разбитый и решил всё-таки вышибить клин клином. Недалеко располагался ещё один общественный онсен. Размеры здания говорили о том, что здесь всё поставлено на промышленную основу. Заплатив за вход те же 350 иен, поднялся на второй этаж. В огромном зале с несколькими бассейнами было человек пятнадцать. Три бассейна с горячей водой, а в одной она прямо бурлила. Но температура оказалась вполне приемлемой. Погрузившись в очень ржавую из-за повышенного содержания железа воду, начал молить Бога, чтобы хворь отступила. С полчаса менял ванны, переходя из обжигающе горячей воды в прохладную и наоборот, а временами задерживался у наружного бассейна, чтобы погреться на солнце. Не знаю, что помогло: то ли водные процедуры, то ли солнечные лучи, но после онсена почувствовал себя гораздо лучше. Во всяком случае, был готов снова отправиться в библиотеку.

Заказал одну из первых книг о Такадае Кахэе, изданную в 1884 г. Её автор, Ямасита Сайтиро, украсил её уникальными гравюрами: Кахэй на острове Итуруп с айнами, волосатыми и краснокожими; вооружённые матросы с «Дианы» атакуют судно Кахэя; Рикорд и Кахэй беседуют за столом, видимо, дело происходит на Камчатке, хотя убранство комнаты смахивает на японское; Головнин с переводчиками и японцами в момент разрешения конфликта. Хранится в библиотеке и лучшее, на мой взгляд, скульптурное изображение Кахэя: его бюст, вырезанный из ствола сосны (дерева, которое он любил). Скульптор Сано Касю изобразил его уже в пожилом возрасте.

Есть в библиотеке несколько рукописей о жизни Такадаи Кахэя, написанных его потомком в четвёртом поколении Такадаем Токутаро, в том числе о его поездке в Россию. История этих рукописей такова. После возвращения Такадаи

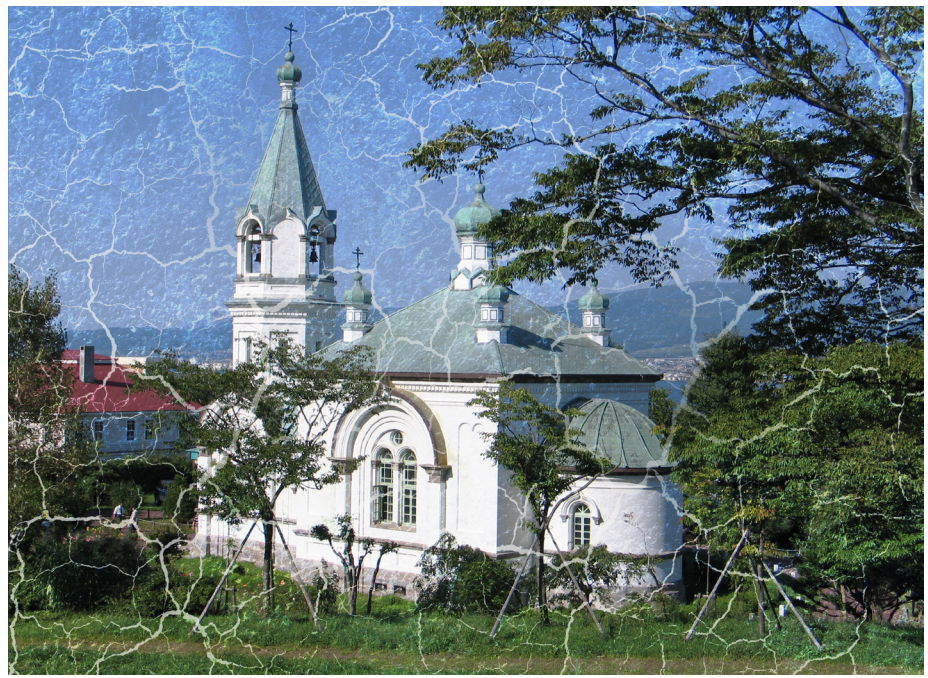
с Камчатки, — а в то время плавание за границу и общение с иностранцами было запрещено, — ему было приказано подробно изложить, как он оказался на «Диане» и как проходили его переговоры с русскими. Ни само послание, предназначавшееся для Бакуфу, ни списки с него, к сожалению, не сохранились. После разгрома фирмы Такадаи в его домах в Хакодате и Авадзи почти одновременно вспыхнул пожар, от которого всё сгорело дотла, — чья-то недобрая рука постаралась уничтожить все свидетельства о жизни Кахэя. В 1884 г., уже после революции Мэйдзи, правительство потребовало от Токутаро передать государству сохранившиеся в семье документы. Видимо, по ним, также не дошедшим до наших дней, и по передававшимся в семье рассказам Токутаро и написал, вернее, составил, эти рукописи: на них написано «хэн», т.е. «составление». В конце концов они попали в Муниципальную библиотеку города Хакодате, где с ними работал Хара Кикаку. Он был соседом Такадаи Ёсимицу, потомка Кахэя уже в шестом поколении. От него он впервые узнал о Кахэе и заинтересовался его судьбой. После знакомства с собранными документами, он, по его словам, «был поражён честным и смелым характером Такадаи Кахэя и его подвигами».

Японские прихожане православного храма

Японские прихожане православного храма

День выдался очень удачным, к тому же оказался японским праздником. Жаль, не посмотрел в календаре, каким именно. В Хакодате, как и в других местностях Японии, помимо общеяпонских, существует немало своих, местных праздников. В конце июля здесь отмечают Праздник Такадаи Кахэя. В августе тысячи человек принимают участие в традиционном японском празднике поминовения душ предков о-бон, когда многие японцы возвращаются в родные места поклониться праху родственников. В течение нескольких дней совершаются буддистские службы, по улицам тянутся красочные процессии, исполняются ритуальные танцы, зажигаются фонари и запускаются фейерверки. Всё это, как считается, помогает душам умерших найти дорогу к дому.

В конце августа в Хакодате проводится фестиваль «Рыбачьи огни и салют в районе источников Юнокава». Существует свой праздник в крепости Горёкаку, когда все участники наряжаются в традиционные одежды и устраивают праздничный парад с открытием ворот крепости. В начале февраля проходит зимний фестиваль в парке Мотомачи. По всему видно, что хакодатцы любят и могут веселиться, выбирая для праздников самые разные поводы, в том числе и исторические. Неслучайно первый же раздел путеводителя призывает: *«Забудь про слова в этом празднике солнца — здесь историческая страница города».*



Собор Воскресения Христова

Утро выдалось свежим и солнечным, пожалуй, впервые за моё пребывание в Хакодате. В православном храме должна состояться служба, и я собирался её посетить. До начала оставалось ещё полчаса, но прихожане уже собирались. Передо мной в церковь вошёл пожилой японец. У входа он снял обувь и аккуратно поставил на полку — совсем, как в японских храмах. В главном православном соборе в Токио этого обычая нет, а здесь, в глубинке, японские традиции берут верх над иностранными. Внутри храма полным ходом шла подготовка к литургии.

— Я из России, можно с кем-нибудь поговорить об истории прихода? — спросил продавщицу киоска, торгующую у входа всякими церковными мелочами.

Она тут же кивнула служителю, сухощавому мужчине в очках, которому я и вручил визитку. Тот подозвал священника. Пожилой батюшка, известный всем отец Баба, подходя ко мне, трогательно гладил по головам встречных детей.

— О, это очень интересно, но скоро начнётся литургия. Пока присядьте здесь.

Прихожане-японцы, заходя в храм, сразу же выстраивались в очередь для причастия. Было очевидным то, что все они искренне верят — очень много поклонов до самого пола. Многие сразу клали еду для освящения. В небольшом и уютном зале насчитал 24 скамейки с крестами на спинках. На сиденьях лежали японские подушки, что обычно для зарубежных церквей. Прихожан немало. В основном – люди в преклонном возрасте, которые предпочитают слушать службу сидя, но многие остаются стоять. Один пожилой японец удивительно походил на Альфреда Демби: та же властная посадка головы, очки, седые волосы. Возраст у прихожан самый разный: заметил молодых людей, детей. Все одеты чинно, но женщины без привычных для российского храма платков. Европейцев не увидел, за исключением одной греческой семьи, которая постояла немного и ушла.

Сдвоенные окна (по стенам) и круглое (наверху), украшенное крестом, не пропускали много света, создавая полумрак. На полу — красивые татами с цветным орнаментом, на которых постланы ещё и ковры в тон. Иконостас и резные Царские врата придавали помещению нарядный и торжественный вид. Епископ Николай писал в 1891 г. о хакодатских иконах: «*Иконы двенадцати праздников академической работы, присланные Гошкевичем, почти все попортились: потрескались и во многих местах слой краски слупился с цинковой доски оттого, что доска обратной стороной прилегала на стене к штукатурке; только икона Воскресения, всегда лежащая на аналое, цела. Я взял пять самых дурных икон в Токио, чтобы поскорее снять копию; прочие пришлются для того же*». Увы, эти иконы исчезли навсегда: подлинники уничтожил пожар в Хакодате, а копии — землетрясение в Токио в 1923 г.

В десять часов гулкий звон колокола полился над Хакодате, и служба началась. Всего в храме собралось около сорока человек. Все держали в руках по паре свечей, которые стали зажигать как за здравие, так и за упокой. От свечей, оставлявших отблеск на ликах святых, иконы сразу преобразились. Чтец-женщина хорошо поставленным голосом стала произносить скороговоркой молитвы.

Японские прихожане православного храма

Японские прихожане

Нестор (Анисимов) и Сергий (Тихомиров)

Акустика храма отличная. Знакомые мелодии, но японские слова. Удивительно, но «Аллилуйя», такое трудное слово для произношения японцами, звучала с четким звуком «л». Пение хора, состоявшего из десяти человек, было слаженным и красивым, как и внутренний вид храма. Всё должно было вселять в души верующих надежду на вечное спасенье. Святой архиепископ Николай Японский (Касаткин) смотрел внимательно на паству с большой иконы и, вероятно, был доволен набожностью хакодатцев.

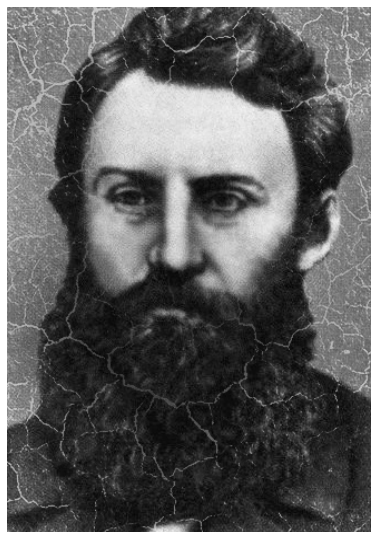
Сколько поколений русских эмигрантов молилось здесь, надеясь на скорое возвращение домой... Вспомнилась большая фотография архиепископов Нестора (Анисимова) и Сергия (Тихомирова), запечатлённых около этого храма. Первый останавливался здесь по пути с Камчатки в Харбин. В Японии напечатал он и свою книгу «Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 г.)». Владыке Нестору немало пришлось испытать на своём пути. Много лет он нёс Слово Божье православным в Китае. Признание им советской власти и Московской патриархии не помогло. Его арестовали 14 июня 1948 г., после чего он долгих восемь лет находился в лагере.

Трагической была и судьба митрополита Сергия. Его вынудили передать все дела и имущество по управлению Японской православной церковью 5 сентября 1940 г., после чего он поселился на окраине Токио, где устроил молитвенный дом. Рассказывали, что незадолго до этого он подвергался аресту японскими властями. Таких историй о судьбе русских в Хакодате можно рассказывать много. Бог их услышал уже после того, как они все упокоились по разным погостам. Развалилось государство, из-за которого они вынужденно покинули родину. На некоторых могилах русских эмигрантов нет уже и крестов.

Свечи трепетали от легкого движения воздуха в храме. В громком песнопении японского хора слышалась мольба об упокоении душ православных русских и японцев, почивших на этой земле. В лицах некоторых японцев проглядывали русские черты, возможно, в них течёт и толика русской крови. Гулко прозвучала проповедь, в которой неоднократно упоминалось имя Николая Японского. После службы, когда прихожане начали расходиться, ко мне подошёл священник Накаи. На просьбу показать колокольню он отпер дверь, и мы медленно поднялись вверх по очень узкой лестнице. Он принялся рассказывать об истории

Хакодатский звонарь

колоколов, особенно, их реставрации. Во время войны колокола отправили на переплавку и лишь сравнительно недавно отлили шесть новых. В 1996 г. японское Управление окружающей среды включило их перезвон в «Собрание ста избранных созвучий, формирующих звуковой фон Японии». Мой спутник ударил в колокол. Сразу было видно, что он настоящий мастер. Вспомнились слова владыки Николая, некогда сказанные о хакодатском звонаре: *«Звонить и трезвонить здесь, как должно, и понятия не имеют».*



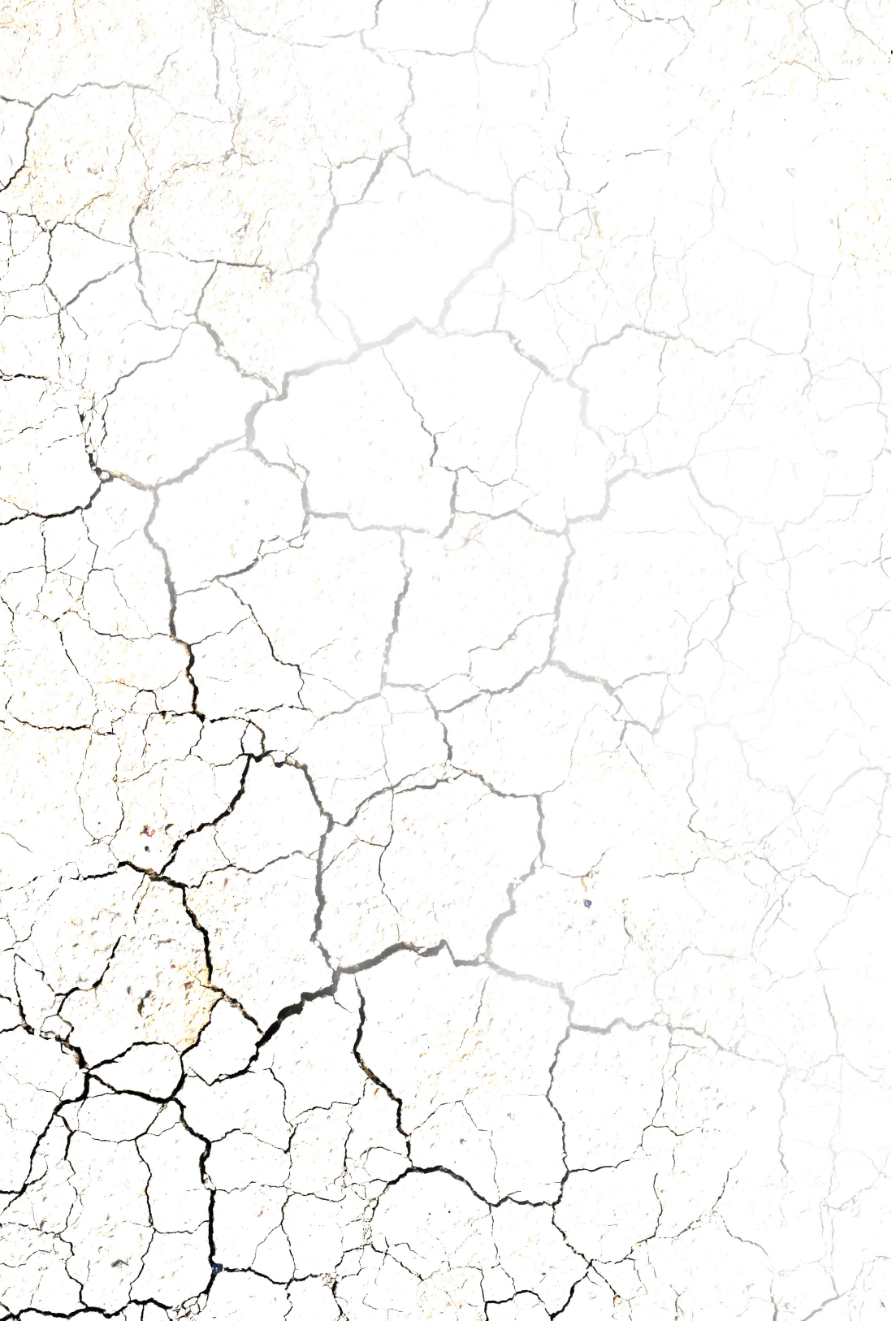
Николай Матвеев

Колокола хакодатского храма, которые за всю историю православной церкви в Японии меняли четыре раза, нынче звучат по субботам и воскресеньям на утренней и вечерней службах, а также в течение трёх-пяти минут в дни двенадцати церковных праздников, включая Пасху. Это символизирует знакомство Хакодате с европейской культурой, окончание эпохи Эдо и начало реставрации Мэйдзи. Хакодатцы, непривычные к колокольному звону, про-

звали церковный перезвон Gan-Gan Dera, а саму церковь по аналогии — Tang-Tang Church. Я оглядел с колокольни окрестности, представляя, как это делал в своё время первый русский уроженец Хакодате — Николай Петрович Матвеев.

Спустившись с колокольни, мы прошли в общую столовую, где прихожане обедали. Угостили и меня. Это было что-то похожее на борщ и одновременно на японский овощной суп potofu. Наверное, о таком обеде в Хакодате писал отец Николай: *«В двенадцать часов обед в приспособленном для обедных угощений доме в публичном саду; кажется, двенадцать христиан сложились, чуть ли не по две с половиной иены с персоны, и сделали сей обед. Не отказался, потому что ропщут: “Спаситель, мол, принимал угощение”».*

У них не было обратного билета...



У них не было обратного билета…

Находясь под впечатлением, медленно побрёл вдоль берега бухты Хакодате, разглядывая окрестности и достопримечательности. Увидел ещё один памятник, имеющий отношение к русской истории. На скромном обелиске отмечено, что он посвящён первому японцу, сбежавшему за границу. Это Джо Ниидзима (1843–1890). В 1864 г. он приехал из Эдо в Хакодате, посчитав, что отсюда удобнее осуществить свой замысел. Здесь он познакомился с отцом Николаем и даже учил его японскому языку. Позднее он отзывался о святителе Николае в газете «Хакодате кроникл» как о человеке «мыслящем и действительно полезном». Вероятно, консульский священник и благословил Ниидзиму увидеть свет, хотя в те времена японцам было запрещено покидать свою страну. Молодой японец на одном из китобойных судов сбежал в Америку. Во время плавания капитан дал ему имя Джозеф, а позднее его стали звать Джо. Через Шанхай он прибыл в США, где проучился десять лет, получил образование и стал христианином-протестантом. Он вернулся в Японию в 1874 г. и на следующий год открыл в Киото Doshisha English School, которая позднее превратилась в известный ныне университет Досиса (Doshisha University). На памятнике высечены строки из поэмы, написанной Джо в Гонконге в 1865 г.: «*Man should run across thousands of miles with one's resolution. I cannot yearn for the sight of my home without suffering from I had done after the Spring wind blowing or during the windy and rainy night. I still dream a dream of flowers in my home town*». Путешественник умер в 1890 г. в возрасте 48 лет.

Задолго до Ниидзимы ещё один японец бежал из Хакодате. В истории этого побега много неизвестного, и беглец всё ещё остаётся загадочной личностью. На одном экземпляре отчета Е.В. Путятина видна ремарка, написанная ещё в XIX веке: «Ловко заброшенный шпион». Так это или нет, ещё предстоит разобраться. Пока же известно только об одном японце, который уехал в Россию с экипажем «Дианы». Это Татибана Косай, самурай из клана Какэгава провинции Тотоми (западная часть нынешней префектуры Сидзуока).

Памятник, посвящённый императору Мэйдзи, выполнен в виде китайской птицы Феникс, распростёршей крылья на красном гранитном глобусе. Он ознаменовывает приезд императора в Хакодате в 1876 г., когда он высадился у причала местной таможни. В это время он посетил Тохоку и Хоккайдо. В 1881 г. император вновь побывал на Хоккайдо. На этот раз он высадился в Отару, проехал через остров и вновь оказался в Хакодате, оттуда отправился в Аомори. Этот монумент также называется Sansyo-hi, что означает «Три счастливых визита». Он был открыт 7 сентября 1935 г., а выполнен уроженцем Хакодате Янагавой Гоити (Yanagawa Goichi). Начиная с 1941 г., 20 июля стали считать Морским мемориальным днем в честь путешествия императора Мэйдзи, который покинул Хакодате 18 июля и прибыл в Йокосуку 20 июля. С 1996 г. это национальный праздник — Морской день.

Рядом с православной церковью располагаются детский сад Iai Kindergarten и женская школа Iai Girl's High school. «Иай» означает «Воспоминание любви».

Памятник Джо Ниидзима

У них не было обратного билета...

Памятник императору Мэйдзи

Из надписи на мемориальной доске узнал, что оба заведения основал М.К. Харрис, епископ методистской церкви. Увы, не обнаружил никакой мемориальной доски на том месте, где располагалась Русская женская школа, внёсшая немалый вклад в воспитание и обучение японок в православном духе.

Мой путь лежал в сторону моря, где виднелась большая скульптура командора Перри. Мэтью Перри (Matthew Perry) в марте 1854 г. заключил договор с Сёгунатом, после чего, 17 мая, и прибыл в Хакодате с пятью кораблями. Основной целью было оказать поддержку американским китобоям, стремившимся сделать Хакодате своей базой. В честь 150-летия визита и была установлена статуя командора, ставшая туристической достопримечательностью. А вот и то место, где высадился командор. Здесь, в доме купца Ямадайи Джухея (Yamadaya Juhei), он встретился с влиятельными людьми и официальными лицами. На камне, установленном недалеко от берега, выгравирован рисунок из книги Перри с изображением соответствующей сценки.

Несмотря на подчёркнуто добрые отношения между Америкой и Японией, японцы не забыли своей слабости во время открытия страны. Популярный японский литератор Сиба Рётаро писал: «*Перри полагал, что на восточных людей эффектно действуют только запугивания и угрозы, и твёрдо стоял на этих позициях. Он добился успеха, но оставил о себе в истории дурную славу человека, пользовавшегося недопустимыми методами. Перри не просто не любили подчинённые, они относились к нему с ненавистью и презрением. Позднее дочь Перри вышла замуж за человека из богатой семьи, и сам Перри пошёл к нему на содержание. Если в дом хозяина приходили гости, Перри подавал им угощение в качестве дворецкого: ещё один пример того, что гордыня и раболепие часто соседствуют, словно две стороны листа*». И тут же автор пишет, что Е.В. Путятин «*всегда был в отношениях с японской стороной чрезвычайно тактичен и деликатен*». По иронии судьбы памятник Перри на Хоккайдо есть, а вот имя Путятина никак не увековечено. Справедливости ради нужно, правда, отметить, что в г. Фудзи имеется «Памятник дружбы», установленной в память о событиях января 1855 г., когда японские рыбаки помогли русским морякам во время кораблекрушения фрегата «Диана».

У причала увидел мемориальный корабль «Масю-мару», который до 1988 г. курсировал между Хоккайдо и Хонсю, а потом превратился в плавучий музей. После Реставрации Мэйдзи Хакодате стал воротами Японии на Хоккайдо. Все, кто прибывал на этот остров, первые шаги на этой земле делали по пирсу Хагасихама (Higashihama), построенному в 1871 г. В сентябре 1968 г. здесь установили памятник первым посетителям Хоккайдо. В 1873 г. судно «Комей-мару» (Komeimaru) начало регулярные рейсы между Аомори и Хакодате. В те годы паром бросал якорь на рейде, а пассажиров доставляли шлюпками. Позднее причал стал играть большую роль в развитии рыбной промышленности. На него неоднократно высаживались Дембри, Люри, Крамаренко и другие предприниматели, имевшие тесные связи с Японией.

У тех же россиян, кто прибыл в Хакодате в конце 1922 г., не было обратного билета на Родину…

Последний причал в Хакодате

Последний причал в Хакодате

Русское кладбище

Прогулявшись вокруг Хакодате по близлежащим холмам, обнаружил много кладбищ, среди которых оказался большой погост христиан-японцев. Услышав тихое пение, пошёл на звук. Пожилая японка стояла лицом к памятнику и что-то мелодично напевала, временами ударяя в ладони. Остановился и прислушался: это был какой-то речитатив. Разобрал только, что она вспоминала своего любимого. Как ни всматривался в надгробья, ни русских могил, ни русских имён здесь не нашел. Что ж, видимо, все они неподалёку — на Русском кладбище.

Его калитка вновь оказалась на замке. Интересно, бывает ли она когда-нибудь открыта, и кто её постоянно запирает? Пришлось немного подождать, пока из кладбищенского переулка ушли последние зеваки-туристы.

Взгляд упал на плиту, под которой лежит прах мичмана Петра Стогова, застрелившегося в такой же осенний день почти 150 лет тому назад. Помнит ли кто-то о нём сейчас?..

— Милейший Петя, сколько раз я Вас просил не убиваться так, — успокаивал мичмана захмелевший лейтенант. — Стоит только вернуться в Россию, как забудете свою Томоко…

Увидев, как мичман Стогов вздрогнул при имени японки, офицер добавил успокаивающе:

— Конечно, в ней немало шарма…

Мичман Пётр Стогов встретился с Томоко вскоре после того, как канонерская лодка «Морж» бросила якорь на рейде Хакодате.

— Господа офицеры, мичманы и гардемарины, — голос капитана «Моржа» звучал немного насмешливо. — Я вполне понимаю, что вы изголодались по берегу, а здесь вас ждёт немало экзотики, но следует помнить, что нравы свободные, и подарком в виде сифилиса вас легко могут одарить…

Портовых борделей, подобных нагасакским, в Хакодате было предостаточно. Ещё не успел ялик с офицерами отойти от борта канонерской лодки, как к нему на всех парах заспешили японские джонки, с которых махали платками японские девушки. Пётр Стогов насмотрелся на них сполна в Нагасаки и Иокогаме и уже не краснел, когда его более искушённые в вопросах любви старшие товарищи смаковали эпизоды прошедшей ночи.

— Господа, — добавил старший офицер, — помните, что сказал командир: никаких излишеств!.. Вечером мы должны идти на приём к губернатору Хакодате¸ на котором будет присутствовать семья мацмайского князя.

Стогову совсем не хотелось идти вместе с другими в бордель. Он давно мечтал купить на память несколько сувениров в виде нэцкэ, которые так расхваливали сослуживцы. Мичман намеренно отстал от товарищей и постарался незаметно свернуть на боковую улицу. Но тут он столкнулся с паланкином, который несли два почти раздетых японца. Носильщики от неожиданности сбились с быстрого бега и опрокинули раскрашенный паланкин. Шедшие следом два японских офицера мгновенно обнажили свои мечи. Однако Петр оказался не из робкого десятка. Хотя его кортик не шёл ни в какое сравнение с вооружением японцем, он был готов отстоять честь русского моряка, несмотря на трагический исход.

Всё произошло в считанные секунды. Кто знает, в какой международный скандал вылилась эта встреча, если бы из паланкина не выскользнула изящная фигурка в кимоно. Японка что-то проворковала своим самураям, и те сразу присели на одно колено, опустив головы. Девушка с улыбкой обратилась по-английски к мичману.

— Пожалуйста, простите нас!

Тут уж пришедший в себя Стогов представился, ответив по-японски, недаром же он почти три месяца обретался в русской деревне в Инасе.

— О, вы из Нагасаки? У Вас такой интересный выговор! — сказала девушка. — А меня зовут Томоко.

В это время носильщики пришли в себя, а грозные стражники встали по краям носилок.

— Прощайте, мне надо спешить, — лёгкий румянец выступил через покрытые пудрой щёки девушки, и она юркнула в свою «норку».

Пётр сразу понял, что случайное происшествие столкнуло его с необычной девушкой. Он никогда не видел такого красивого кимоно. Одежда девушек из Нагасаки в сравнении с ним была просто крестьянской. А эта девушка напоминала придворную даму – мичману однажды довелось присутствовать при приёме во дворце, где он налюбовался придворными красавицами.

Стогов слышал немало о любви с первого взгляда и сразу же решил: это она! У него даже закружилась голова, и он прислонился к столбу, обдумывая недавнюю встречу. Такого он никогда не испытывал. Опомнившись, мичман побрёл по улицам Хакодате, разглядывая исподтишка встречных японок, но подобной случайной знакомой так и не встретил.

Вечером отправились на аудиенцию к губернатору. Двор около его дворца был заполнен повозками. В глазах рябило от разноцветных мундиров. Команда канонерской лодки «Морж» тоже была в парадной форме, чуть поодаль красовались британцы и американцы. Гости выстроились вдоль стен огромного зала, когда из боковой комнаты показались вице-губернаторы и губернатор Хакодате. Как только они уселись на подушки, парадная дверь ещё раз приоткрылась, и в помещение вошёл князь Мацмая, властелин всего огромного острова, за которым следом семенили и члены его семьи. Вот тут-то Стогов и увидел Томоко.

Старший офицер ткнул его в бок:

— Мне говорили, что дочь князя очень красива, но я и не думал, что настолько!

Томоко же почти мгновенно отыскала взглядом мичмана и, как показалось ему, качнула ресницами.

После аудиенции Пётр немного замешкался, пропуская к выходу старших товарищей. Тут к нему подошёл японец в парадном кимоно и знаками показал пройти в другую комнату. Там Стогов увидел Томоко, которая при виде него присела, низко наклонившись. Мичман на миг растерялся, не зная, как поступить. Заметив его замешательство, девушка улыбнулась и жестом показала, что можно присесть.

— Простите меня ещё раз, — промолвила японка. — Я совсем не хотела доставить Вам неприятности.

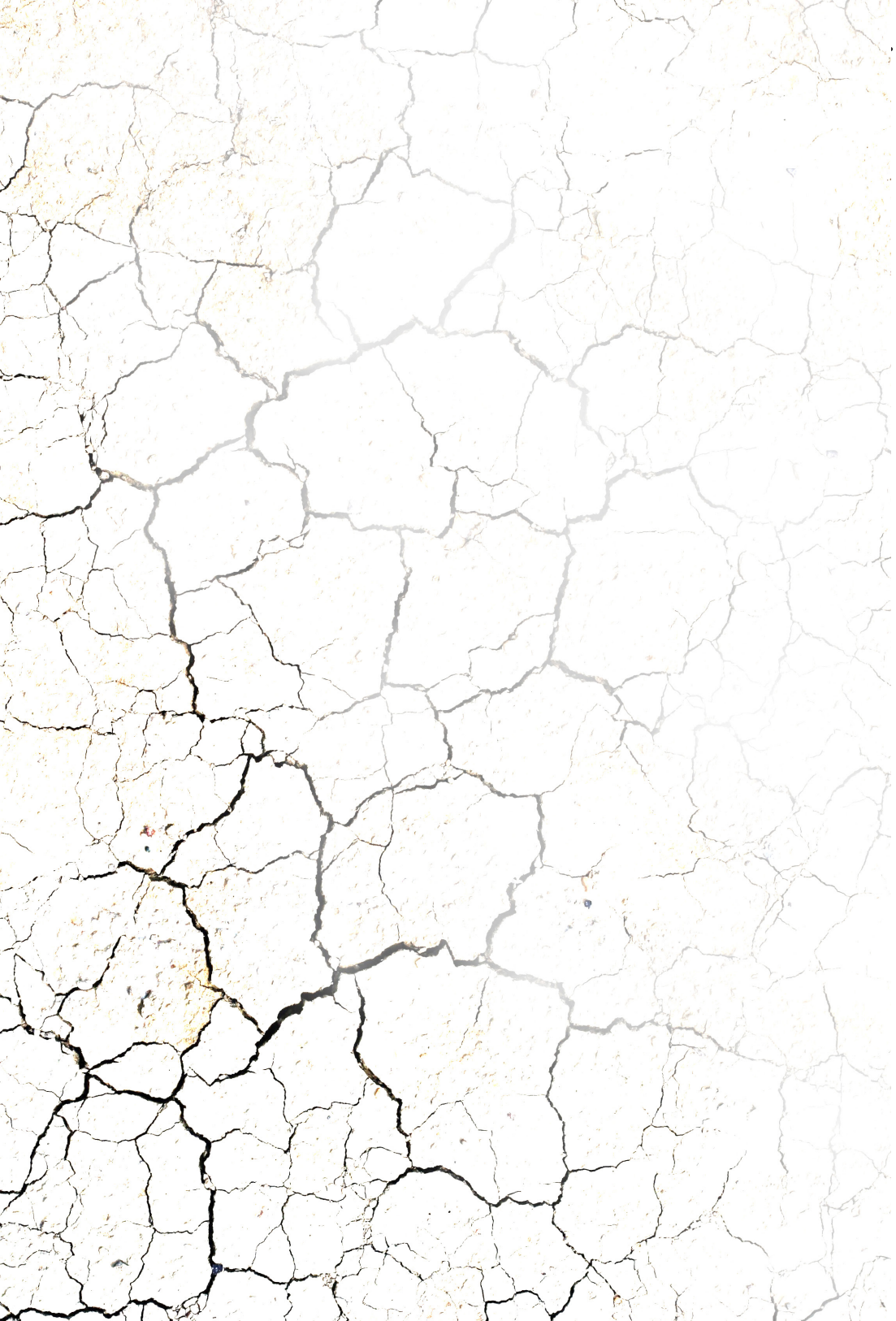
…Все последующие дни мичман Стогов старался провести на берегу. Под самыми разнообразными причинами он просил сослуживцев заменить его на вахте, обещая отработать за всё в море. Офицеры видели, насколько глубокое чувство охватило русского моряка, и не отказывали ему. Но… наступил день выхода корабля в море. Экипаж вовсю судачил, чем закончится увлечение Стогова.

— Дорогой Петя-сан, — с печалью говорила Томоко, — мой отец и слышать не хочет, чтобы мы поженились, и я уехала с Вами в Россию. Я не могу ослушаться его!

Всё было готово к выходу в море. На «Морже» ждали только мичмана, и командир уже начал ругаться, когда к борту причалила шлюпка. На ней привезли известие, что Пётр Стогов застрелился. Так русский юноша предпочёл навсегда остаться в далёкой стране рядом с любимой…

Возвращаясь, я вновь перескочил через изгородь, предварительно оглядевшись по сторонам. Привыкший к японскому послушанию, порой чувствовал себя не очень уютно на русском погосте, потому что забрался сюда без официального разрешения. Конечно, готовясь к полевым исследованиям, писал электронное письмо в международный отдел мэрии Хакодате, однако ответа не получил. Вероятно, моё сообщение затерялось в безграничных просторах Интернета. Всё время, что провёл на кладбище, людей не видел. Только однажды услышал с дороги по-японски «Добрый день». Две проходившие мимо девушки обратили на меня внимание, а может быть, и позавидовали, что могу вот так легко бродить по экзотичным для них могилам. Мне очень хотелось рассказать им историю любви Петра Стогова и японки Томоко, но не решился.

Беседа с плитами русской памяти



Беседа с плитами русской памяти

За ночь тайфун, бушевавший накануне в Хакодате, отступил, и дождь прекратился, но погода оставалась мрачной. Вопрос, куда идти в первую очередь, для меня не стоял — я уже знал дорогу к иностранным кладбищам, лежащим совсем недалеко от центра города. Первое кладбище для иностранцев появилось в 1854 г.: во время пребывания в Хакодате американского адмирала Мэтью Перри умерли двое моряков, и власти выделили место для их захоронения.

Перемахнул через изгородь, и я вновь среди могил соотечественников, с которыми хотел попрощаться перед отъездом. Ослепительно синее небо и тишина. Прохлада, чувствуется дыхание осени. Медленно падает листва. Взглядом обвожу могилы, мысленно поминая каждого отдельно. В центре русского участка возвышается огромная усыпальница Дмитрия Николаевича Швеца с надписью «*Мир праху твоему*» и портретом. Бывший каторжанин Д.Н. Швец переехал в Хакодате с Южного Сахалина в 1920 г. На Сахалине он торговал мехом и имел магазин в Александровске, а в Японии продолжил привычное дело. Швец часто ездил в Токио, где продавал товары из Хакодате. На вырученные деньги он покупал в столице товар. Однажды Дмитрий Николаевич сел в поезд и домой не вернулся – больше живым его родные не видели. Швеца нашли на полотне железной дороги сразу за Токио. Полиция объяснила, что он выпал из поезда. Родные в этом сомневались, так как Дмитрий Николаевич не курил, и ему не было нужды выходить в тамбур. Равнодушен он был и к алкоголю. Семье вернули только вещи, денег при погибшем не обнаружили. Родные предполагают, что Д.Н. Швеца ограбили в дороге и выбросили тело. Время было предвоенное, и никто не стал разбираться с гибелью иностранца.

Любовь Семёновна Швец-Яшкова, невестка его внука, рассказала, что спустя некоторое время после смерти Д.Н. Швеца его вдова, Ефросинья Георгиевна, приехала из Кобе в Хакодате, чтобы взять несколько костей мужа и захоронить их на Иностранном кладбище в Кобе. Она хотела, чтобы её могила находилась рядом с частицей праха покойного мужа. Так в Японии появилось две могилы одного человека.

За Д.Г. Швецом лежит мичман Амурского флотского экипажа Пётр Стогов, служивший на канонерской лодке «Морж». Он застрелился 8 ноября 1864 г. в возрасте 24 лет. Случись подобное в России, его похоронили бы где-нибудь с краю кладбища или вообще за его пределами. Здесь же особый случай. Многомесячное плавание не всегда проходит бесследно для психического здоровья молодых людей.

После летнего посещения на кладбище кое-что изменилось: появилось два роскошных букета с лентами «*Сынам России от Владивостокского морского собрания и яхты “Отрада”*». Почему «сынам», когда на этом кладбище похоронены и женщины? Увы, не спросишь…

На этот раз у меня было больше времени, чем летом, и я стал внимательно осматривать территорию. В самом углу, ближе к дороге, увидел вросший в землю надгробный дикий камень. Конечно, без надписи. Взять бы лопату и по-

Усыпальница Д. Н. Швеца

смотреть, не сохранились ли какие-нибудь надписи ниже, на той части, что в земле! К сожалению, мои инструменты — это глиняный черепок да жестянка от банки саке, подобранные на улице. Ими много не раскопаешь.

Другая типичная каменная плита так заросла мхом, что невозможно разобрать буквы. Скребком убрал вековую растительность, и надпись проступила: *«Во имя Отца, Сына и святого духа. Аминь. Здесь погребено тело раба божьего матроса 27 флот. экипажа команды шхуны "Первая" Филиппа Пагудина. От роду 33 года. Умер 27 окт. 1863 г.»*. Это было известное судно, немало бороздившее морские воды у Приморского побережья. Заходило оно и в Хакодате, где оставило навечно одного из членов экипажа…

Надгробие Ф. Пагудина

С помощью скребка с трудом разобрал кое-какие слова на соседней могиле: *«…корвета "Абрек" Давыд …»*. Фамилию так и не смог прочитать, похоже на Югопова, а может, и Ювонин, как написано на японской табличке. Моряк скончался 28 июня 1862 г., 26 лет от роду.

Огромный камень, высотой в японский дом, увенчанный православным крестом, считался в XIX веке центром всего русского погоста в Хакодате. Остаётся только удивляться, откуда и как притащили его сюда. Под камнем два русских моряка с корвета «Посадник», утонувшие 18 марта 1862 г. Гардемарину Андрею Попову было 22 года, а Степану Гомзикову — 28 лет. На японской табличке не указана причина смерти, ошиблись японцы и в фамилии: вместо «Гомзиков» написали «Голиков», хотя на камне надпись вполне разборчивая.

На обратной стороне камня братской могилы имеется надпись: *«Памятник поставлен усердием матери покойного Попова и сослуживцев его»*.

«Посаднику» вообще не везло. Из всех русских кораблей он оставил на этом кладбище больше всего членов экипажа, в том числе и боцмана Никиту Кузмина (японцы добавили в фамилию мягкий знак – Кузьмин), скончавшего-

Памятник на могиле гардемарина А. Попова и матроса С. Гомзиков

ся 15 октября 1861 г. А 30-летний матрос 28-го флотского экипажа Василий Месников с этого же корвета ушел из жизни на другой день.

Фельдшер 28-го флотского экипажа по имени Прокопий, служивший на корвете «Абрек» умер 30 июня 1862 г. Японцы на своей табличке написали фамилию «Шнепаев», но при более внимательном обозрении можно увидеть, что это не так: угадывается что-то похожее на Шнейдерова, хотя и в этом сомневаюсь. Рядом небольшой камень с православным крестом и трудно читаемой надписью: то ли «гардемарин», то ли «Тантарин». Что-то на нём написано и по-японски.

Андрей Васильев, 27-летний парусник рабочей команды клипера «Гайдамак», утонул 28 сентября 1861 г. На следующей могиле я не смог точно прочитать фамилию. Может, Шамнев, а может, и нет. Смог разобрать имя — Афтаном, и

Надгробие Л. Шачковского

Надгробие гавайца

то, что был он кочегаром 28-го флотского экипажа, служил на корвете «Калевала» и умер 16 августа 1862 г.

Зато хорошо читается надпись на надгробии Людвига Шачковского, утонувшего 20 июля 1863 г., а похороненного только через шесть дней, 26 июля.

Всего в первом ряду сохранилось 11 памятников. Могил же в нём явно больше. Возвращаюсь вниз под горку по второму ряду. Казимир Непогода, 26-летний матрос 26-го флотского экипажа, служил на корвете «Новик». Рядом могила конопатчика 4-го рабочего экипажа Евдокима Смирнова, который служил на корвете «Рында».

«Во имя Отца, Сына и Святого духа. Аминь. В 1861 году здесь погребено тело бывшего матроса китобойного судна, уроженца Сандвичевых островов, католика». На первый взгляд, непонятно, почему здесь лежит гаваец, но если вспомнить историю,

Надгробие К. Зверева

то можно отыскать причину. В те времена Гавайские, или как их тогда называли, Сандвичевы острова, были центром базирования китобойного флота. Туда заходили и российские китобои. В 1861 г. было решено завести большое китобойное дело в Тугурском заливе и на Шантарских островах, где водилось много китов. Инициатором учреждения нового предприятия, названного Тугурской экспедицией, выступил капитан-лейтенант Александр Фомич Эльфсберг, исполнявший обязанности командира Аянского порта. Вероятно, на одном из русских китобоев служил и этот безымянный гаваец, похороненный среди русских. Остается только гадать, отпевал ли его русский священник. В то время уже должен был приехать в Хакодате отец Николай (Касаткин). Но связь гавайца с русскими определённо была, иначе его похоронили бы на другом участке Иностранного кладбища.

А вот и могила К.Р. Зверева. Она появилась рядом с захоронением гавайца спустя восемьдесят лет. Надпись гласит: *«Здесь покоится прах офицера-эмигранта уроженца г. Кунгур Пермской губ. Косьмы Родионовича Зверева»*. Зверев был интересной личностью, одним из немногих, кто деятельно участвовал в общественной жизни, являясь уполномоченным Д.Л. Хорвата, главы русской эмиграции на Дальнем Востоке, по острову Хоккайдо. В условиях шпиономании японцы арестовали эмигранта и замучили в тюрьме. Зверев умер 7 января 1944 г., и его прах передали родным. Позднее в Токио от дочери Зверева, Ольги, узнал, что почти вся семья предпочла репатриироваться в Советский Союз. Шпиономания, жёсткое отношение японских властей, политика выдавливания иностранцев из страны сделали своё дело: часть эмигрантов предпочла покинуть Японию. Ольга Зверева с блеском закончила отделение японского страноведения Ленинградского университета. По-японски она говорила без акцента, а вот на свой русский жаловалась. Предпочитала читать иероглифы, а не русское письмо. После окончания университета она вышла замуж за кубинца и теперь преподает японский язык в Гаване.

Два одинаковых красивых надгробия. Кажется, что они поставлены только вчера. На обоих надписи по-английски. На одном написано *«In loving memory of Mrs. Liudmila Cherry»*. Возможно, Людмила Черри, прожившая всего двадцать пять лет, была дочерью П.П. Батолина, директора Путиловских заво-

Надгробие П. Батолина

дов и члена совета Русско-Азиатского банка, лежащего рядом. Известно, что Прокопий Петрович Батолин скончался в Шанхае, а прах его отправили в Хакодате, где жила вдова.

Матрос 28-го флотского экипажа Фёдор Степанов служил на печально известном своими смертями корвете «Посадник». На японской табличке написано, что Степанов скончался 17 февраля 1862 г. в возрасте 28 лет, но, хорошо присмотревшись, можно засомневаться в этой цифре. Может быть, ему было 24? На надгробии сослуживца Степанова, матроса Евтропия Гвоздева, видно место от сбитого креста. Кстати, на хакодатском погосте почти не ставили крестов. Кроме этой, он есть только на братской могиле Попова и Гомзикова. Через семь лет, 27 августа 1869 г., рядом с Е. Гвоздевым лег матрос корвета «Богатырь» Иван Топанов.

И вновь член экипажа «Посадник», 32-летний матрос Иван Кузнецов, умерший 27 августа 1862 г. Надпись на следующем надгробии можно прочесть с большим трудом: время не щадит и камень. Японцы, составляя надпись на табличке, обошлись из имени и фамилии, написав: «*Здесь погребено тело раба Божьего кочегара 28-го флотского экипажа корвета "Абрек". Умер в 1862 г.*».

В истории русского Хакодате осталось имя служащего Российского консульства Ивана Махова, составившего русскую азбуку для местных детей. Его однофамилец служил священником на фрегате «Диана». На русском же погосте лежит ещё один Махов, Григорий, матрос корвета «Рында», умерший 8 октября 1862 г.

На японской табличке у другой могилы написано, что здесь лежит рулевой транспорта «Маньчжур» Прокопий Филиппов. Оказалось, что фамилию японцы указали неточно. Очистив надпись на плите, ясно прочитал: «Филинов». Итого, в этом ряду я насчитал 13 надгробий.

Надгробие Г. Поулькевича

Третий ряд могил находится рядом с широкой пешеходной дорожкой. Первым от выхода лежит 44-летний унтер-офицер 19-го флотского экипажа Алексеев, служивший на клипере «Гайдамак». Не уверен насчет достоверности информации на японской табличке. Написано имя «Степан», но на могиле оно совсем неразборчиво. Сомневаюсь и в дате смерти: то ли 25, то ли 24 января 1864 г.

Рядом с Алексеевым покоятся члены семьи Архангельских. Это уже более поздние захоронения. Глава семьи, Василий Васильевич, умер 25

Надгробие М. Векмана

марта 1939 г. Его жена, Ксения Николаевна, пережила его почти на четыре года, скончавшись 8 января 1943 г. Их 22-летняя дочь Ксения умерла 12 января 1943 г., спустя четыре дня после смерти своей матери.

Из сохранившихся надгробий самым старым является памятник на могиле квартирмейстера фрегата «Аскольд» Георгия Поулькевича, умершего 26 июня 1859 г. Кстати, этот фрегат оставил в Японии больше могил, чем другие суда. Недаром русское кладбище в Нагасаки первое время называли «аскольдовой могилой» из-за обилия могил с этого русского корабля.

Матрос 28-го флотского экипажа Стефан Гиришев служил на транспорте «Японец» и умер 25 января 1860 г. Рядом с ним — матрос корвета «Аскольд» Матис Векман (июнь 1866). Фрегат «Аскольд» списали, ему на смену пришёл одноименный корвет, на котором моряки продолжали умирать далеко от родины. Последним, девятым, в этом ряду надгробие кочегара 28-го флотского экипажа Петра Евсеева, служившего на корвете «Джигит».

Левая сторона отдана гражданским могилам. Первым там лежит псаломщик церкви при Российском Императорском консульстве Виссарион Львович Сартов, умерший 17 января 1874 г. в возрасте 36 лет. «*Господи, упокой его душу*».

Надгробие В. Сартова

На огромном бетонном надгробии выбито: «*Под сим камнем погребено тело врача Российского Императорского консульства в Японии Владимира Вестли, умершего 1 янв. 1869 г. 29 лет от роду*». С обратной стороны надпись: «*Памятник сооружён усердием супруги покойного и сослуживцами его*». За ним хорошо виден надгробный холмик с камнями, но без памятника. Сколько же здесь таких безымянных могил?!

Одной из важных достопримечательностей этого погоста является могила жены первого российского консу-

Надгробие В. Вестли

ла Елизаветы Стефановны Гошкевич, умершей 5 сентября 1864 г. в возрасте 43 лет. Японцы поставили новое надгробье прямо на старый памятник 20 мая 1993 г. Это была очень талантливая женщина. Она много занималось изучением Японии, публиковала свои заметки на французском языке. Известно, что она хотела напечатать книгу. Увы, не довелось...

Ещё одна эмигрантская усыпальница — Шалфеевых. Все надписи по-английски. *Shalfieff Andrei Nicholaevich — «Дорогой сын и брат», Николай Всеволодович – «Вечная память, вечный покой, дорогой муж, отец и дедушка»*. А вот на памятнике Ариадны Павловны Шалфеевой, родившейся 28 октября 1919 г., дата смерти отсутствует. Оказалось, что Ариадна Павловна живёт в Саппоро, где семья Шалфеевых держит бизнес. Уже осенью этого же года Ирина Долгова дала мне её телефон, но звонок застал А.П. Шалфееву в неподходящее время — совсем недавно скончался её сын…

Итого, 39 выявленных могил, в том числе и безымянных. Следом за русскими пошли японские могилы. Да, надо бы посоветовать японским властям исправить некоторые пояснения на табличках к памятникам. Жаль, что так и не встретился ни с кем из местных административных деятелей.

…Звуки пролетавших мимо кладбища автомобилей казались нереально далёкими. Тишина нарушалась лишь шелестом листвы столетних деревьев. Отец Николай как-то записал в дневнике: *«Перед вечером сходил на кладбище: наши русские все в тени разросшихся деревьев, которые я когда-то сажал прутиками; и как мелодично шумят здесь листья, какую добрую меланхолию навевают! Так бы стоял всё и слушал голос своего сердца, требующего успокоения — общей участи всех».*

Надгробие Е. Гошкевич

Усыпальница Шалфеевых

Да, эти деревья помнят многое и могли бы рассказать подробности той истории.

Да и под каждым камнем здесь таится человеческая судьба, которая могла бы стать основой для романа. Кладбищенские истории... Как в них разобраться? Вот, например, видно, что надгробие П.П. Батолина поставлено позже, чем у других. Между могилами его и Степанова виден ещё один фундамент, но никакой надписи на нем не сохранилось. Предполагаю, что некоторые могилы находятся одна над другой. Обратил внимание и на то, что около могил Шалфеевых оставлено место ещё для одного захоронения. Кто-то из потомков, вероятно, заранее задумался о собственной участи. Сколько могил на этом далеком погосте — столько судеб. Сумею ли разобраться, что привело моих героев в Японию, а главное — что сталось с ними?..

Библиография

1. Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах с приложением замечаний его о Японском государстве и народе : в 3 ч. СПб., 1816; То же. Хабаровск : Кн. изд-во, 1972.
2. Гузанов В. Иеромонах. М., 2002.
3. Кузнецов С. Русские на Хоккайдо // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. Режим доступа : http://www.bakumatsu.ru/lib/Kuznetov_Russkie_na_Hokkaido.pdf
4. Матвеев Н. Колыбель православия в Ниппон: Первый храм Русской духовной миссии в г. Хакодате // Рубеж. 1941. 26 июля.
5. Моргун З.Я., Мандрик А.Т. Дембри и Ко: промышленники семейства Дембри и рыбный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1993. Июнь (№ 1 (3).
6. Накамура, Ёсикадзу. Гошкевич — Татибана: миссия выполнима // Родина. 2005. № 10.
7. Николай Японский. Дневники Святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004.
8. Путеводитель по г. Хакодате, Япония / Изд. К.Като и П.Д. Токио : Тип. Тоёо-Инсацу-Кабусики-айся, 1912.
9. Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб. : Тип. Н. Греча, 1851.
10. Сверкающий огнями Хакодатэ: Путеводитель по Хакодатэ: Город международного туризма. Хакодатэ : Изд. Группы туризма сектора торговли, промышленности и туризма г. Хакодатэ, 1993.
11. Сиба Р. О России. Изначальный облик Севера / Пер с яп. С.А. Быковой и С. Кавамуры. М. : «МИК», 1999.
12. Симидзу Мэгами. Хакодатэ: Русские страницы в истории японского города (2005).
13. «Хакодатэ и Россия»: Исторические связи. Хакодате, 2004.
14. Хисамутдинов А.А. Русские в Хакодате и на Хоккайдо, или Заметки на полях. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.
15. Lensen G. Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in Northern Japan. Hakodate : Municipal Library, 1954.

ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

KHISAMUTDINOV AMIR ALEKSANDROVICH

РУССКИЙ ХАКОДАТЕ: ЗАМЕТКИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА

RUSSIAN HAKODATE: NOTES FROM A TRAVEL DIARY

Ответственный редактор *Сазонова О.С.*
Художественный редактор *Сазонова О.С.*
Технический редактор *Сазонова О.С.*
Компьютерная вёрстка *Сазонова О.С.*
Корректор *Сазонова О.С.*

Подписано в печать 02.06.2017. Формат 60 x 90/16. Гарнитура Minion Pro.
Выложен на сайте: https://evols.library.manoa.hawaii.edu/

Издательство Дальневосточного университета 690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27.

Хисамутдинов Амир Александрович **— доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета во Владивостоке, ведущий библиограф Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения РАН. Автор исследований, связанных с изучением экономической, политической и исторической роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе проблем российской эмиграции в Японии. Руководя кафедрой восточных языков Дальневосточного политехнического университета, получил годовой грант Японского фонда и провел обширные полевые исследования в Японии, обратив внимание на русскую общину в Хакодате. Результаты нашли отражение в многочисленных докладах, публикациях. О русских в Японии автор опубликовал 25 работ.**